

«НОВЬ»

Статья

А. Г. Цейтлина

1

После напечатанья «Дыма» Тургенев-романист умолкает почти на десятилетие. Лишь в 1877 г. в журнале Стасюлевича «Вестник Европы» (кн. 1 и 2) выходит в свет «Новь», названная «романом», очевидно, из-за ее большого объема¹. Напомним, что все предыдущие романы назывались Тургеневым повестями, но для «Нови» было сделано исключение. В беседе с Б. А. Чивилевым Тургенев скажет: «Роман такой, какого еще, кажется мне, до сих пор не писал... *по крайней мере по объему*. — Ну, а по замыслу? — спросил я. — И по замыслу это будет даже позначительнее „Отцов и детей“...»². В другом случае Тургенев придаст «Нови» иное жанровое определение, но будет почти так же энергично настаивать на важности ее замысла. «Так как я на этой повести имею намерение раскланяться с читателями, то я хочу положить в нее все, что у меня на душе, благо сюжет попался — как мне кажется — подходящий», — пишет он Стасюлевичу³.

Роман «Новь», посвященный изображению «хождения в народ», дался Тургеневу с большим трудом и писался им медленнее всех его предыдущих романов. Замысел произведения о революционных народниках возник отнюдь рано — в 1872 г. — и характеризовал все ту же беспримерную чуткость Тургенева к только еще нарождающимся явлениям жизни. Однако у романиста занял очень много времени процесс собирания нужного ему материала. Работая над «Новью», Тургенев сблизился с рядом революционных народников, которые «стали появляться <...> частенько в его парижском кабинете». Познакомься с Г. А. Лопатиным, Тургенев называл его «умницей и молодцом», «светлой головой». Беседы с П. Л. Лавровым доставили Тургеневу ценные для него сведения о русской молодежи, учившейся в ту пору за границей, и в частности о передовых русских девушках, «живших отшельницами». Он «жадно расспрашивал» Лаврова и «был взволнован» тем, что услышал⁴. Ценные сведения Тургенев получил в результате ознакомления с материалами народнических процессов и в первую очередь процесса «нечаевцев» 1871 года. Эти факты сочетались с наблюдениями, которые Тургенев собрал во время своих последних приездов в Россию в кругу высшей петербургской бюрократии и орловского крупно-поместного дворянства. Все это в феврале 1872 г. закрепилося в «кратком рассказе новой повести» и в формулярном списке действующих в ней лиц⁵.

Однако писать такой роман, живя за границей, было затруднительно. «... у меня, — писал Тургенев 21 декабря 1872 г./2 января 1873 г. С. К. Кавелиной, — готов сюжет и план романа — ибо я вовсе не думаю, что в нашу эпоху перевелись типы и описывать нечего — но из двенадцати лиц, составляющих мой персонал, два лица не довольно изучены на месте — не взяты живьем; а *сочинять* в известном смысле я не хочу — да и пользы

от этого нет никакой — ибо никого обмануть нельзя. Следовательно, нужно набраться материалу. А для этого надо жить в России⁶.

«Большой роман» был временно «положен под сукно», и работа над ним возобновилась лишь с конца 1874 г. под влиянием тех благоприятных впечатлений, которые Тургенев вынес из своего пребывания на родине летом этого года, и тех материалов, которые были им в это время собраны⁷. Вскоре после этого был создан второй, распространенный план романа, заключающий в себе формулярные списки действующих лиц «Нови».

Обдумывание плана и соби́рание материалов к роману затянулось, но Тургенев не терял бодрости. 3/15 января 1876 г. он писал Салтыкову-Щедрину: «... подождите моего романа — а пока не сердчайте на меня, что я, чтобы не отвыкнуть от пера, пишу легкие и незначительные вещи... Кто знает, мне, быть может, еще суждено зажечь сердца людей». С начала 1876 г. «Новь» стала писаться довольно быстро, но с большим трудом, ухившимся как на самый процесс писания, так и на заключительную стилистическую отделку текста⁸. 26 октября/7 ноября 1876 г. автор «Нови» писал Полонскому: «Мой роман переписан, кончен <...> Что из него вышло — неизвестно; намерения были хорошие — но каково исполнение?»

Прежде чем передать «Новь» в редакцию «Вестника Европы», Тургеневу пришлось посчитаться с возражениями своего ближайшего друга, П. В. Анненкова, прочитавшего, по просьбе Тургенева, роман в рукописи. Этот первый по времени читатель «Нови» поздравлял Тургенева «с окончанием замечательного произведения, предназначенного производить бури и волнения не один год». «Вы, — говорил Анненков, — написали очень серьезную вещь, продуманную насквозь так, как с „Отцов“ не была продумана у вас ни одна вещь». В романе «всё так правильно, как часовой механизм, стоит на настоящем своем месте». Предсказывая Тургеневу реакцию «изумления, ужаса, проклятия и ругательств на первых порах», которые ему «следуют по всем правам», Анненков вместе с тем был несколько встревожен памфлетными деталями «Нови». «Вот видите ли, — говорил он о выпадах этого рода, — они уже тем несколько противны, что брошены как будто для задобрения либеральной или революционной юной партии, без нужды для романа, и при том не мотивированы ничем и стоят наголо, как личное ощущение или гневный порыв <...> Например, взбешенный Нежданов отвечает Калломейцеву, говоря о Ладиславе: он клеветет ренегата. Просто — но за этим восклицанием есть целая *нерассказанная* история, а без такой истории — оно становится эхом партии, камнем, поднятым на улице и брошенным в середину искуснейшей сети рассказа, хотя в памфлетном смысле оно, восклицание, совершенно верно и непогрешительно».

Тургенев был озабочен этой критикой Анненкова и писал ему: «... я желал бы знать более определенным образом значение вашего слова: памфлетический элемент. Кроме явных (и не скрываемых) намеков на Стасова, кн. Вяземского, певца Славянского — считаете ли вы, напр., обед у купца Голушкина тоже принадлежащим к области памфлета — или только некоторой карикатурой — à la Dickens». В ответ Анненков возобновил совет «избегать бесполезных скандалов при серьезном деле»: «... как ни забавно у вас сравнение, например, одного лица с выражением физиономии И<оанна> Предтечи, нажравшегося акрида — я хохотал ему от души — но не есть ли это именно *бесполезный* скандал. Да вот еще вспомнил. Превосходный ваш дьякон с лошадиным хвостом на голове вопрошает учеников деревенской школы о поздних родах мамыши богородичной. Мне кажется это очень придуманной чертой, вывертом, не очень подходящим ни к дьякону, ни к школе, а бесплодный скандал в результате неизбежен».

Эта переписка Тургенева с Анненковым в конце 1876 г. чрезвычайно интересна, поскольку она содержит указания на ряд неизвестных нам деталей первоначального текста и касается сатирических тенденций, столь характерных именно для этого романа. Тургенев посчитался с некоторыми советами Анненкова, однако он не мог освободить «Новь» от памфлетности, содержащейся в самом идейно-художественном замысле этого романа. Впрочем, и сам Анненков в дальнейшем просил Тургенева: «... вы не очень-то кладите слова мои в строчку. Они частью происходят и от старости желудка, не ценящего более разные пикантные *haut gout* * и уже не переваривающего трюфелей и пикулей, но это не резон, чтобы других лишать приправы, особенно у нас, где многие только ею и питаются».

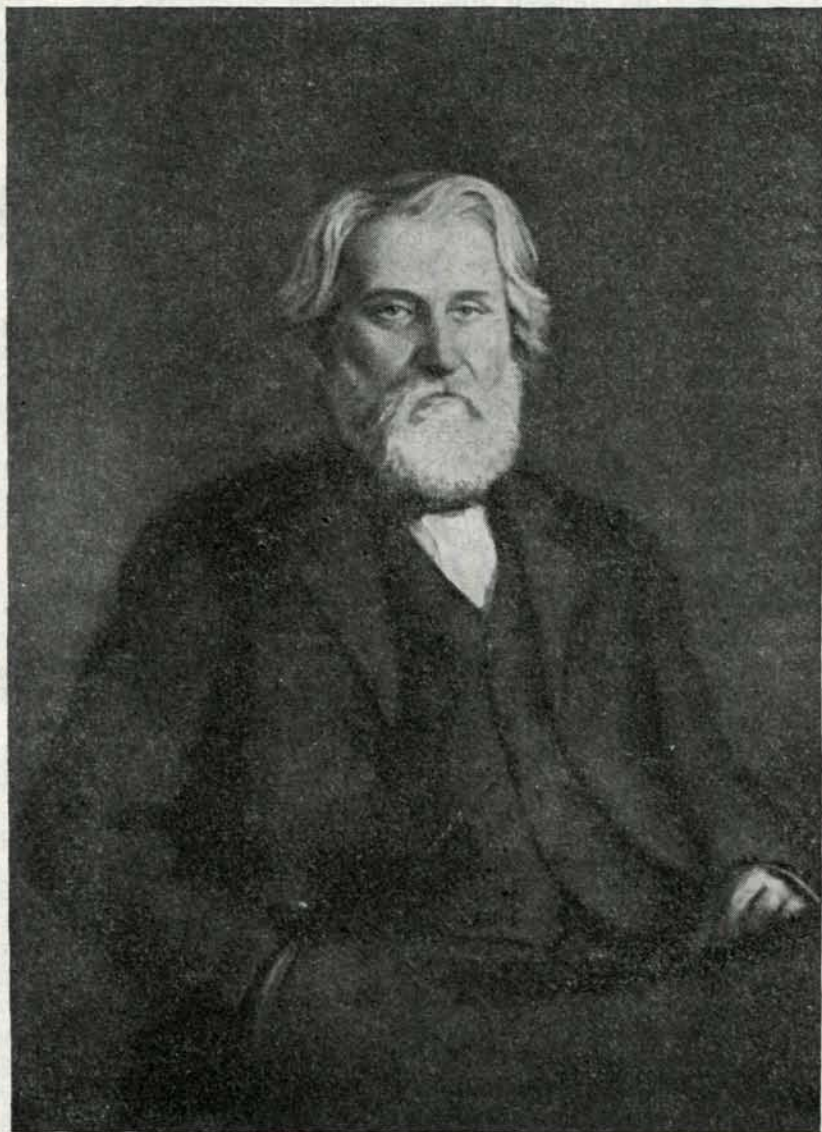
После того как Тургенев завершил эту дополнительную работу и рукопись «Нови» была переслана в редакцию «Вестника Европы», началось ее трудное хождение по мытарствам цензуры. Роман едва не был запрещен к печати; особенно тяжелая угроза нависла над его второй частью. «Вы, — писал Тургеневу Анненков, — должны уже теперь знать, какой цензурный ураган прошел мимо 2-й части „Нови“, но не задел ее и не опрокинул. У меня есть предположение, что спасением своим „Новь“ обязана какому-нибудь Нептуну повыше Тимашева или, может быть, Нептунше, которые и вогнали эоловых детей в преисподнюю»⁹. Тургенев воспринял появление второй части «Нови» в «нетронutom виде», как «вещь необычайную» («слишком много было шансов *против*»¹⁰), а угрозу ее «истребления» объяснял тем, что он тронул «больное место» самодержавной России¹¹.

Идейный замысел «Нови» нашел обстоятельное раскрытие уже в программе к этому роману. В основу его легло противопоставление «романтиков реализма» «настоящим практикам на американский лад». Первые «ищут в реальном <...> нечто великое и значительное, а это вздор: настоящая жизнь прозаична и должна быть такою»; вторые «так же спокойно делают свое дело, как мужик пашет и сеет». Первых представляет в романе Нежданов, вторых — Соломин; вокруг них сгруппированы остальные персонажи «Нови».

Работа Тургенева над программой и биографическими формулярами этого романа чрезвычайно любопытна. Здесь впервые были намечены стилистические формулы, которые затем раскрылись в тексте романа. Первоначальный замысел романа, записанный 17/29 июля 1870 г., начинается так: «Мелькнула мысль нового романа. Вот она: есть *романтики реализма* <...> Они тоскуют о реальном и стремятся к нему, как прежние романтики к идеалу». «Знаете, кто он, собственно, был? Романтик реализма!» — скажет в XXXVIII главе о Нежданове Паклин. В биографическом формуляре о Нежданове сказано: «Темперамент *уединенно-революционный, но не демократический*»; в романе: «Ну, брат, — промолвил Паклин, — я вижу: ты хоть и революционер, а не демократ!» (гл. II). Сипягина в формуляре охарактеризована как «русская позёрка», в романе она, говоря словами Марианны в главе XIII, — «вся ложь», «комедиантка», «позёрка» и т. д.

За каждым из образов «Нови» стоит или один определенный прототип, или несколько моделей, использованных романистом в их совокупности. О Паклине записано: «рот, как у Языкова (М. А.)», «взять несколько от наружности Скачкова». О Марианне: «Наружность вроде Луизы <дочь Виардо>, только более женственная». О Сипягине: «Средняя пропорциональная между Абазой и Жемчужниковым (и Валуевым)». О Калломейцеве: «Рабски и по мере возможности оскорбительно списать Ивана Петровича Новосильцева, прибавив к нему Маркевича. Надо, чтоб промелькнул его двоюродный брат Мишка Лонгинов». Как и «Дым», «Новь» при-

* деликатесы (франц.).

ТУРГЕНЕВ

Портрет маслом Н. Н. Ге. Авторское повторение, 1882. Впервые портрет был выполнен в 1871 г. в Петербурге

Музей Л. Н. Толстого, Москва

надлежит к числу романов, наиболее богатых «личным», прототипическим материалом.

В «концепте» «Нови» уже определились идейные задачи, которые Тургенев здесь перед собою поставил. О Нежданове и Соломине он писал еще в 1870 г., за шесть лет до окончания романа: «Фабула мне еще далеко не видна..., но вот что *steht fest**: № 1 должен кончить самоубийством <...>

* установилось твердо (нем.).

Nota bene — № 2 не должен представляться читателю как буржуа и отсталый, а нигилистка должна возбуждать сочувствие <...>. Женская фигура (нигилистка) должна пройти in dem Hintergrund*. Все эти идейно-композиционные задания самому себе Тургенев настойчиво стремился выполнить.

2

Действие «Нови» точно датировано 1868 годом; лишь события последней главы романа перенесены на два года позднее. Некоторые исследователи обвиняли Тургенева за эту датировку, находя гораздо более уместным изображение позднейшего этапа народнического движения. «Неясно, — заметил, например, Л. В. Пумпянский, — почему Тургенев в 1876 году выбрал для своего романа не главную эпоху хождения в народ, не знаменитую весну 1874 года, а гораздо более раннюю, первичную фазу своего движения, лето 1868 года, когда революционной молодежью произведены были лишь первые попытки проникновения в толщу народной массы. Цензурные трудности были бы не больше. Вероятная причина чисто литературная: „Новь“ не удалась, не удалась именно в роли развернутого, широкого общественно-политического романа; тем больше была бы эта неудача, если бы Тургенев попытался изобразить массовое политическое движение 1874 года»¹².

Не будем говорить здесь о мнении Пумпянского, будто бы «Новь» «не удалась» — как будет показано далее, в тургеневском романе правдиво отражен ряд существенных сторон русской действительности, в том числе и революционно-народнической борьбы. Утверждение Пумпянского игнорирует важнейшие факты творческой истории романа. Тургенев задумал «Новь» еще в 1870 г. почти за четыре года до начала «хождения в народ», и, естественно, не мог отразить его наивысшего подъема. 1868 год представлялся романисту началом нового этапа в жизни русской передовой молодежи, и он это очень точно подчеркнул в своих характеристиках «текущего момента». Первая из них содержится уже во второй главе «Нови» и вложена в уста героя романа, Нежданова. «Какая тебе еще неприятность нужна? — закричал он внезапно зазвеневшим голосом. — Пол-России с голода умирает, „Московские ведомости“ торжествуют, классицизм хотят ввести, студенческие кассы запрещаются, везде шпионство, притеснения, доносы, ложь и фальшь — шагу нам ступить некуда...». Здесь каждое слово героя может быть подтверждено реальными фактами эпохи. Тургенев напоминает, что в 1868 г. уже не существовал «Колокол» Герцена, что только что начал входить «в силу лицей г-на Каткова» и т. д.

Избранная Тургеневым дата начала «Нови» объективно совпадала с существенными сдвигами в русском освободительном движении. «Белый террор», отдельных проявлений которого коснулся Нежданов, был результатом неудачи выстрела Каракозова и разгрома ишутинской организации. «В конце 60-х годов, в связи с прогрессирующим разорением и голодовками в деревне, снова стало острее сказываться недовольство среди крестьянства. 1868—1869 годы ознаменовались возрождением открытого студенческого движения. 1868 год — пора, когда „Отечественные записки“ Краевского перешли в руки Некрасова и Щедрина, когда из-за границы в Россию попал журнал М. А. Бакунина „Народное дело“, когда в „Неделе“ началось печатание одного из основных теоретических произведений народничества — „Исторических писем“ П. Л. Лаврова. Ближайший же год принес с собою публикацию программной для русского народничества статьи Н. К. Михайловского „Что такое прогресс“ и революционную деятельность кружка Нечаева и Ткачева, последователей

* на заднем плане (нем.).

Бакунина, планировавших на весну 1870 года начало всероссийского восстания против царизма»¹³. Разумеется, Тургенев знаком был не со всеми этими фактами. Однако чутьем большого художника, в высокой мере обладавшего «тактом действительности», он почувствовал, что именно эта пора была началом нового этапа в развитии русской общественной мысли¹⁴.

Изображая события 1868 года, автор «Нови» естественно должен был ответить на вопрос о том, каково положение народной массы, крестьянства, освобожденного от крепостной неволи. Романист ответил на этот вопрос лапидарной формулой Нежданова: «Пол-России с голода помирает». В «Нови» не было картин крестьянской голодухи, но Тургенев подчеркнул, что она является следствием жестокой эксплуатации крестьян помещиками. Маркелов спрашивает Нежданова: «... когда наши предшественники устроили освобождение крестьян — что ж? могли они предвидеть, что одним из последствий этого освобождения будет появление целого класса помещиков-ростовщиков, которые продают мужику четверть прелой ржи за шесть рублей, а получают с него <...>: во-первых, работу на все шесть рублей, да сверх того <...> целую четверть хорошей ржи — да еще <...> с прибавком! то есть — высасывают последнюю кровь из мужика!» (гл. XXI)¹⁵. Недалекий Маркелов не винит «наших эманципаторов», которые всего этого «предвидеть не могли». Он полностью отражает здесь либеральные мнения самого Тургенева, идеализировавшего крестьянскую реформу. Однако даже Тургенев вынужден был признать, что объективным «последствием» этой реформы явилось стремительное обнищание крестьянства.

Именно следствием этой неизбежной нищеты пореформенного крестьянства является пьянство. «...в кабаках,— читаем мы в десятой главе «Нови»,— еще толпился народ. Хриплые голоса вырывались оттуда, пьяные песни, гнусливые звуки гармоник; из внезапно раскрытых дверей било грязным теплом, едким запахом спирта, красным отблеском ночников. Почти перед каждым кабаком стояли крестьянские тележки, запряженные мохнатыми, пузатыми клячами; покорно понутив кудластые головы, они, казалось, спали; растерзанный, распоясанный мужик в пухлой зимней шапке, свесившейся мешком на затылок, выходил из кабака — и, прислонившись грудью к оглоблям, пребывал недвижим, что-то слабо ощупывая и разводя и шаря руками; или худощавый фабричный в картузе набекрень, с выпущенной китайчатой рубахой и босой — сапоги-то остались в заведении — делал несколько нерешительных шагов, оставался, чесал спину — и, внезапно ахнув, возвращался вспять...».

Эта потрясающая по своему будничному трагизму картина народного пьянства не оставляла сомнений в том, что «одолевает вино русского человека», темнит его сознание, приглушает в нем способность к протесту. Русский мужик и фабричный пьют «с горя», заливая водкой свою нищету. Ядовитый хмель приносит за собою непробудный сон:

Один царев кабак — тот не смыкает глаз;
И, штоф с очищенной всей пятерней сжимая,
Лбом в полюс упершись, а пятками в Кавказ,
Спит непробудным сном отчизна, Русь святая!

(гл. XXX)

«Темный народ,— говорит Маркелов о сипягинских мужиках.— Поучать надо. Бедность большая, а растолковать некому, отчего эта самая бедность происходит» (гл. X). За двадцать с лишком лет до толстовского «Воскресения» Тургенев показывает в «Нови» политическую темноту бывших крестьян Маркелова и их патриархальную консервативность.

«Прежний их помещик, по их словам, был барин простой, только чудаковатый; они пророчили ему разорение — потому: порядков не знает и всё на свой салтык норовит, не так, как отцы». Несознательность русского пореформенного крестьянства изображена Тургеневым в своей предельной концентрированности. «Маркелов вздумал разъяснить крестьянам принцип ассоциации и ввести ее у себя, а они упирались. Один из них даже сказал по этому поводу: „Была яма глубока... а теперь и дна не видать...“ — а все прочие крестьяне испустили глубокий, дружный вздох, что совсем уничтожило Маркелова» (гл. XI).

Во всем этом еще не было искажения действительности: патриархальные и косные крестьяне боялись непонятных для них нововведений, тем более опасных, что они исходили от барина, хотя бы и «простого». Замечательно, однако, что народнический революционер Маркелов делал ставку не на наиболее сознательных, а на самых «никудышных» крестьян. Среди них — сипягинский буфетчик Кирилл, известный «как горький пьяница». «Забубенная голова,— аттестует его Маркелов,— да ведь нам деликатничать не приходится» (гл. X). В более чем сомнительном активе Маркелова значился «еще какой-то Менделей, по прозвищу Дутик; только на этого Дутика положиться было трудно: в трезвом виде храбр, а в пьяном труслив; и почти всегда пьян бывает». Нежданов готов был увидеть в этом общий закон крестьянской революции, адептами которой делались лишь одни «изгои» русской деревни: «Я заметил: коли кто уж очень охотно тебя слушает и книжки сейчас берет — знай: этот из плохоньких, ветерком подбит» (гл. XXX).

Маркелов и Нежданов выражали здесь одно из самых твердых убеждений Тургенева, еще в 1862 г. писавшего Герцену: вы «в сущности *отрекаетесь от революции* — потому что народ, перед которым вы преклоняетесь, консерватор *par excellence** — и даже носит в себе зародыши такой буржуазии в дубленом тулупе, теплой и грязной избе, с вечно набитым до изжоги брюхом и отвращением ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности — что далеко оставит за собою все метко верные черты, которыми ты изобразил западную буржуазию в своих письмах»¹⁶.

Тургенев был абсолютно прав в отношении «зародышей буржуазии», возникшей в недрах русского крестьянства, в кулачестве. Он его, правда, не изобразил в «Нови», но оставил его достаточно выразительную зарисовку¹⁷. Крестьян же он часто наделял чертами дворянской рефлексии: «Помнишь,— напоминал Нежданов,— была когда-то — давно тому назад — речь о „лишних“ людях, о Гамлетах? Представь: такие „лишние люди“ попадают теперь между крестьянами!» (гл. XXX).

Крестьянская масса «Нови» представляет собою лишь анархически настроенную толпу. Символом этих «борцов» является «голоплецкий Еремей». Как бы олицетворяя собою русский народ в сметке и в преданности прогрессивным идеям века, он в то же время первым завязал Маркелову руки за спину и представил его по начальству. Образом Еремея Тургенев стремился подчеркнуть, что простой народ не пойдет за Маркеловыми и Неждановыми и что ему враждебна самая идея революции. В первом автор «Нови» был безусловно прав; во втором ярко проявилась его либеральная ограниченность.

Отвечая в 1876 г. одному своему корреспонденту, желавшему побеседовать с ним по вопросам крестьянского быта, Тургенев заявил: «...с точки зрения вашей специальной цели я едва ли могу быть вам полезен, ибо уж так давно живу в отдалении от русских крестьян, что сведения мои утратили всякую свежесть»¹⁸. Это отсутствие «свежести», недостаточное

* по преимуществу (франц.).

которая диктовалась презрением и ненавистью к людям этого лагеря. Тургеневу было иногда «досадно», что «две, три фигуры, ожидающие клейма позора, гуляют, хотя с медными — но не выжженными еще лбами. Да авось я еще встряхнусь», — добавлял романист ²⁰. И он действительно «встряхнулся»: фигуры Калломейцева, Сипягина и им подобных созданы с большой сатирической силой.

Семен Петрович Калломейцев происходит по прямой линии от брюзжащих генералов «Дыма». Потомок простого огородника, не затруднившийся переделкой своей фамилии на аристократический лад, Калломейцев очерчен в «Нови» с недвусмысленной ясностью. У него «консерваторские, патриотические и религиозные принципы», которые защищаются им всеми средствами, не исключая и доносов. Камер-юнкер императорского двора, он вместе с тем является усердным читателем катковского «Русского вестника», единственного журнала, который кажется ему достойным уважения. Прочей литературой Калломейцев интересуется мало: «... в ней теперь все какие-то разночинцы фигурируют. Дошли, наконец, до того, что героиня романа — кухарка, простая кухарка, *parole d'honneur!**». Калломейцев восхищается самыми реакционными представителями западноевропейской реакции. Наполеона III он величает молодцом, сербский диктатор Обренович, по его оценке, «прекрасный малый! И рука железная, как следует правителю. О, он шутить не любит!»

Калломейцев глубоко ненавидит реформы 60-х годов и, подобно генералам из «Дыма», желал бы повернуть дело назад, «чуть не до семибоярщины». Подобно им он презирует голодных шелкоперов-журналистов, а вместе с ними и «брехунцов», адвокатов. Чиновник Министерства народного просвещения, он охотно запретил бы «нигилистам» «даже думать о школах; а под руководством духовенства — и с надзором за духовенством — сам бы заводил». Надзор за всем опасным и антиправительственным осуществляется Калломейцевым со всей энергией. В бытность свою чиновником по особым поручениям при московском генерал-губернаторе он «навострился <...> на красных, да вот еще на раскольников», которых он, как гончая собака, брал «верхним чутьем». Принадлежа к новой породе помещиков-ростовщиков, готовых заводить «собственные кабаки» «да ссужать мужичков хлебом и деньгами за сто и за полтора процентов», Калломейцев был фигурой глубоко типической. Образ этого защитника дворянских прерогатив в какой-то мере даже опережал свое время. «Из таких людей, потерявших уважение даже к собственной среде <...>, позднее набрался состав первых земских начальников (1889). Фигура Калломейцева — ценный исторический документ к истории подготовки „системы“ Александра III» ²¹.

«Консерватор-Калломейцев поразительно гнусная личность; выставь его Тургенев одного, я бы решил, что мерзце и гаже быть ничего не может, но, узрев в романе либерала-Сипягина, я решил, «что либерал-Сипягин — трипл-экстракт, квинт-эссенция мерзости и подлости», — писал народник эмигрант Алисов ²². Сипягин действительно в какой-то мере «гаже», ибо лицемернее Калломейцева. В программе «Нови» мы читаем: «Неделя в дворянском, не очень барском, либеральном доме. Всю фальшь выставить». В образе Сипягина в самом деле раскрыта была «вся фальшь» дворянско-бюрократического либерализма. В отличие от Калломейцева, Сипягин движется к власти «учтиво и мягко», обнаруживая в отношении демократической молодежи «какую-то заискивающую снисходительность»: ведь он «известен как человек убеждений либеральных, прогрессивных». Сипягину как будто бы чужд махровый консерватизм. Все в нем: пренеудобный и пребезобразный шотландский дорожный картуз,

* честное слово! (франц.).

рукопожатие враскачку, умильная речь, текущая «без малейшей запинки» и достигающая «высот истинного красноречия», — должно характеризовать человека европейской культуры.

Все это, однако, только маска. Сипягин постоянно играет, непрерывно рисуется, неизменно лицемерит перед своими слушателями. Он делает это и тогда, когда велит построить в своей карете книжную полку: «Борис Андрейч не то, чтобы любил, — а желал, чтобы другие думали, что он любит работать в карете, подобно Тьеру». Он позировал и тогда, когда приветствует собеседника «с высоты своего галстука», и тогда, когда задает вопрос единственно для важности, и тогда, когда ораторствует на тему о дворянской предприимчивости.

Сипягин не просто либерал, но «либеральный бюрократ»; именно отсюда возникает его лицемерие. Дядя «вовсе не человек, он чиновник», — справедливо говорит о Сипягине Марианна. Либерализм для Сипягина — всего лишь путь к карьере. Неглупый и расчетливый Сипягин понимает, что время «реформ» еще не прошло и что правительству нужны люди, которые проводили бы нужный курс руками, облеченными в мягкие перчатки. Эти перчатки могут быть, однако, мгновенно сняты, когда для благополучия Сипягина возникает определенная угроза. Узнав о том, что его шурия Маркелов арестован, Сипягин из «либерала» немедленно превращается в «льва рыкающего».

Уже раньше, получив оскорбительный для него отказ Соломина, Сипягин подумал, что тот «ломается, как истый плебей». — Все эти русские, когда воображают, что знают что-нибудь, — из рук вон! — *Au fond**, Калломейцев прав!». Теперь, в момент угрозы, возникшей для его дальнейшей карьеры, Сипягин окончательно сближается с Калломейцевым. Он выпытывает у Паклина местонахождение Нежданова и доносит на него губернатору; он не брезгает даже тем, чтобы уговаривать Маркелова покаяться перед властью. В сцене у губернатора ²³ Сипягин полностью раскрывает свое существо реакционера, лишь по тактическим соображениям напялившего на себя либеральную одежду. По остроумному выражению Г. А. Бялого, Тургенев здесь «не позволяет Сипягину отделить себя от Калломейцева»²⁴.

«Позёрка» и «мадонна», Валентина Михайловна Сипягина действовала аналогичным образом в пределах своего дома, стремясь покорить крамольного нигилиста, шпиона за Марианной и в конце концов спровоцировав ее на бегство от Сипягинных ²⁵.

Вокруг этих образов в критике 70-х годов разгорелась оживленная полемика. «Русский вестник» находил, что «как типы, они удачно схвачены с внешней стороны; как фикция — они, так сказать, памфлетны и в общем довольно ничтожны, чтобы служить местами столь необъятной антипатии, какую обнаруживают к ним остальные действующие лица романа»²⁶. Рупору идей «дворянского реванша» вторил «Голос»: «... Сипягины и Калломейцевы — даже не одиозные люди; они просто карикатуры, и намеренное преувеличение автором их природных недостатков и слабостей опять-таки слишком грубо бьет в глаза читателю»²⁷. На той же точке зрения стояли: «Русский мир», находивший, что в обоих образах слишком «много напряженной разогретой злобы»²⁸, «Биржевые ведомости», упрекавшие Тургенева в склонности к стереотипности и шаржу ²⁹, «Гражданин», считавший, что Тургенев «не захотел хорошенько разглядеть» и показать в консерваторах «внутреннего человека»³⁰. «Что раздражило, чуть не до бешенства, ту журнальную котерию, которая так ревниво отстаивает сипягинско-калломейцевские принципы? Почему <...> господа этой котерии так поторопились отождествить себя с Сипягинными

* В сущности (франц.).

и Калломейцевыми и бурно поднялись на свою собственную защиту?»³¹. Их озлобление свидетельствовало о верности образов, говорило об обличительной силе тургеневского реализма.

Вся остальная печать 70-х годов единодушно отмечала правдивость фигур Калломейцева и Сипягина. Первый «очерчен оригинально, забавен и натурален»³². Второй «обрисован от ног до головы с тем мастерским, в высшей степени злым и тонким, свойственным только одному Тургеневу, юмором»³³. Пререкания того и другого представляют собою «одну из самых живых и естественных страниц романа»³⁴. Это люди, «метко очерченные», стоят «живьем»³⁵. Чрезвычайно эмоционально о том же писал П. Ф. Алисов: «Сипягин очень опасен для многих; юноша раскроет ему доверчиво свои объятия, и Сипягин, поворковавши над ним, как сизая горлинка, понежив и поласкав по головке, немедленно сдаст его в самое темное отделение арестантского дома и сам за ним запрет дверь»; «Либерал и консерватор, выведенные в романе, не исключительные лица, это — типы типов, имя им легион; государственный высший мир ими живет и дышет»; «Господа консерваторы и либералы! К топору вас приговорил не молодой, пламенный, негодующий юноша, а великий сердцеведец, великий современный писатель, седой старик, умудренный опытом, всю жизнь тонко и сильно наблюдавший жизнь. Не знаю, как на вас подействует этот приговор, но, откровенно говоря, меня мороз дерет по коже при мысли об вас...»³⁶.

Даже такой резко консервативный историк русской литературы, как И. И. Иванов, признавал, что Калломейцев — «самое гнусное лицо» в произведении Тургенева, а «русский генерал-сановник, чиновник высшего служебного положения — едва ли не единственный предмет вполне убежденного, настойчивого, очень яркого отрицательного чувства» романиста. Обе эти сатирические фигуры являются «блистательным доказательством» того, что талант Тургенева «не обнаруживал ни малейших признаков усталости и ослабления»³⁷.

Эти образы произвели большое впечатление на читателей. «Мир, противостоящий миру революционеров, мир Калломейцевых, Сипягинных, показался мне ненавистным. Сипягин особенно противен был своими лисьими повадками <...> Тургенев не дал им ни одной положительной черты», — писал С. И. Мицкевич³⁸.

3

Итак, Тургенев проявил в «Нови» глубокое сочувствие к нищему и бесправному крестьянству и вместе с этим — ненависть к эксплуатирующему его реакционному дворянству. То и другое обусловило собою сильнейшие стороны реализма «Нови». Однако народные и дворянские представители играют в действии романа второстепенную роль. Главное внимание писателя отдано тем, кто стремится поднять крестьянскую массу на борьбу — революционным народникам.

Тургенев изобразил их, хотя и критически, но с большим сочувствием. «Молодое поколение, — писал он Стасюлевичу, — было до сих пор представлено в нашей литературе либо как сброд жуликов и мошенников, — что, во-первых, несправедливо — а во-вторых, могло только оскорбить читателей-юношей, как клевета и ложь; — либо это поколение было, по мере возможности, возведено в идеал, что опять несправедливо — и сверх того вредно. — Я решился выбрать среднюю дорогу — стать ближе к правде; — взять молодых людей большей частью хороших и честных — и показать, что, несмотря на их честность, самое дело их так ложно и нежизненно, что не может не привести их к полному фиаско». Тургенев считал такой замысел не обидным для революционных народников. «...молодые

люди, — писал он далее, — не могут сказать, что за изображение их взялся враг; они, напротив, должны чувствовать ту симпатию, которая живет во мне, — если не к их целям — то к их личностям»³⁹.

И нужно сказать, он не ошибся в своих надеждах. Члены партии Народной Воли в своей листовке 1883 г. отмечали: «Глубокое чувство сердечной боли, проникающее „Новь“ и замаскированное местами тонкой иронией, не уменьшает нашей любви к Тургеневу. Мы ведь знаем, что эта ирония не ирония нововременского или катковского лагеря, а сердца, любившего и болевшего за молодежь»⁴⁰.

Заняв в отношении революционных народников такую позицию, Тургенев не обратил достаточного внимания на внутреннюю многосоставность и противоречивость этого движения. Как основательно указывалось уже его современниками, автор «Нови» смешал два различных периода исторического развития народнического движения. Такая ошибка в ту пору была почти неизбежной: в 1876 г., когда писалась «Новь» «никто не мог хорошо знать молодежь наших кружков, не будучи сам членом этих кружков. Следствие этого, изображенное в „Нови“ может относиться лишь к ранним фазам движения»⁴¹. Все же более раннее, «бакунинское» течение в романе Тургенева доминирует над более поздним, «лавровским». В самом деле, уже в первой главе Пимен Остродумов рассуждает о том, что в Москве «человек один подвернулся ненадежный (...) сменить его надо, а не то и вовсе устранить», — иначе говоря делается явный намек на убийство нечаевцами строптивого студента Иванова (ср. в XXII гл.: Василий Николаевич «ни пред чем не отступит. Если нужно — убьет»). Маркелов в главе XI толкует «о городских мещанах и семинаристах, которые были, впрочем, более полезны тем, что очень крепки телесной силой и уж как примутся действовать кулаками — так уж ну!». Маркелов «пытается поднять», «возмущает» крестьян, которые в одном из уездов «поднимаются — не хотят платить податей, собираются толпами» («уже началось!» — с радостью говорит Марианна). Наконец, Остродумов «был убит одним мещанином, которого он подговаривал к восстанию». Все эти рассыпанные по роману детали свидетельствуют об ориентации его героев на немедленное восстание. Правда, наряду с этим говорится и о хождении в народ; но им интересуются лишь герои, стоящие в отдалении от политического действия. Именно такое соотношение внутренних сил характеризовало собою раннюю пору народнического движения.

Во главе группы революционеров стоит некий Василий Николаевич — под этим условным именем скрыт Нечаев; чтение и сожжение его директивного письма (гл. II) обставлено всеми приемами подпольной конспирации⁴². Совершенно иную фигуру представляет собою Кисляков, очерченный одними комическими штрихами, человек, у которого нет, очевидно, никаких убеждений, одна громадная, растрачиваемая на пустяки энергия. Он — единственный член революционного сообщества, которого не только выпустили на свободу, но «даже не препятствовали ему снова „скакать по губерниям“»⁴³.

Галерея народнических персонажей «Нови» начинается подчеркнуто плебейскими образами Пимена Остродумова и Машуриной: «В этих неряшливых фигурах, с крупными губами, зубами, носами (...) сказывалось что-то честное и стойкое, и трудолюбивое». Остродумов (определенный в формулярном списке как: «семинар, тупец (...) Усердный и честный, но ограниченный») вполне оправдывает в действии романа эту не очень лестную характеристику. Более значителен образ Машуриной. И в ней, как и в Остродумове, акцентирована физическая непривлекательность: по мнению Тургенева, революции отдаются в первую очередь те лица, которым по тем или иным причинам не повезло в жизни. Ироническое замечание романиста об удивительном и редком «целомудрии» Машуриной вызвало возму-

щение народнической критики⁴⁴. Однако, чем дальше развивался образ Машуриной, тем он больше наполнялся глубоким психологическим содержанием. В разговоре с Марианной неожиданно отражается внутренняя мягкость этой, казалось бы, тупой и ограниченной женщины, а в финальном разговоре с Паклиным она становится трогательной. От первой до последней строки романа Машурина одухотворена чувством глубокой любви к Нежданову.

Эта лирическая окраска образа Машуриной была с сочувствием отмечена критикой и читателями 70-х годов. «...с искусством истинного художника <...> несколькими штрихами г. Тургенев успел уже так отделить внутреннее содержание этой „неряшливой фигуры“, что в душу читателей успело уже запасть зерно симпатии к этой простоволосой акушерке, действительно со спартанским стоицизмом несущей тяжелый крест своей тяжелой трудовой жизни, не согретой и не освещенной взаимностью втайне любимого человека, насквозь пропитанной чувством долга и деятельным самоотвержением»⁴⁵. Алисов оценил «любовь молчащей, грубоватой на вид Машуриной к Нежданову» и «глубоко задумался над святою деликатностью ее чувства»⁴⁶. Вера Фигнер отмечала жизненную верность Машуриной («вылитый портрет Веры Любатович, которую мы прозвали „Волчонком“ за ее резкость»)⁴⁷.

Демократически настроенным читателям тех лет «очень понравились <...> Остроудов и Машурина; они были целиком преданы великому делу, и ничто их не могло утратить. Их грубая внешность <...> привлекала, а не отталкивала...»⁴⁸.

Жизненной правдивости Тургенев добился также в образе Маркелова, связавшего свою судьбу с революцией. Правда, и его приход к ней также объяснялся многочисленными личными неудачами. В Маркелове, как и в Машуриной, оттаялась его духовная чистота: «Человек искренний, прямой, натура страстная и несчастная, он мог <...> оказаться безжалостным, кровожадным, заслужить название изверга — и мог также пожертвовать собою, без колебания и без возврата». В Маркелове, небогатом помещике, живет страстная ненависть к эксплуататорскому классу, из которого он вышел, и не менее горячее желание революционного дела. Тургенев оттеняет достоинство, с каким Маркелов держался у губернатора, но несколько идеализирует с либеральных позиций покорность на суде: «...его короткие, но прямые и правдивые ответы возбуждали в самих его судьях чувство, похожее на сострадание». Критика отметила психологическую верность образа Маркелова⁴⁹. Это, — писал Михайловский, — «фигура едва ли не самая яркая и законченная»⁵⁰. Фанатик, слепо любящий народ, он «готов пожертвовать последнюю каплю крови для его блага <...>. Одно, два поколения Маркеловых ошибутся, но третье — не ошибется»⁵¹. Читателями-народниками Маркелов был воспринят «как сильная личность, как смелый борец <...> Его решительная прямолинейность, его смелый призыв крестьян к бунту, его отказ отвечать на допросе у губернатора, — все это чрезвычайно импонировало молодому читателю»⁵².

В образе Алексея Нежданова с наибольшей силой проявился свойственный автору «Нови» физиологический фатализм. Тургенев с самого начала романа подчеркивает в Нежданове его «недемократический» темперамент, ставя это в зависимость от незаконного происхождения своего героя: «отец-аристократ оставил ему в наследство свою нервозность». Герой «Нови», по его собственному признанию, «был рожден вывихнутым... хотел себя вправить, да еще хуже себя вывихнул». К началу романа Нежданов отчужден не только от аристократической, но и от демократической среды — он едет «на кондицию», чтобы «на время удалиться» от Остроудовых, Машуриных и Паклиных, ему с ними тягостно.

МАРИАННА, ИЛЛЮСТРАЦИЯ
К РОМАНУ «НОВЬ»

Акварель К. Г. Кашеева, 1951

Музей И. С. Тургенева, Орел

Критики «Нови» в подавляющем большинстве своем отрицательно отзывались об этой фаталистической тенденции главного образа. Как отмечал Ткачев, «верно поняв и мастерски очертив характер Нежданова», Тургенев «не сумел объяснить (...) его происхождения». Он указывал на фиктивность комплекса незаконнорожденности: «... как будто гувернантка в княжеском доме» так уже «сильно отличалась по своим внутренним качествам от своего сиятельного патрона»⁵³. Михайловский утверждал, что тягостное сознание Неждановым своей незаконнорожденности нетипично: «это редко бывает на Руси, особенно в том кругу, где вращается Нежданов»⁵⁴. В русском революционном движении, — основательно указывал впоследствии Л. Г. Дейч, — «встречаются лица законнорожденные, страдающие всеми теми противоречиями, какие Тургенев приписал незаконнорожденному Нежданову, и, наоборот, бывают незаконнорожденные, вполне свободные от подобных изъянов», вроде Н. Морозова, Войнаральского и других⁵⁵.

Нежданов ненавидит дворянство. Он не только не верит в победу революции, но почти радуется собственному ничтожеству. «Коли ты рефлекс и меланхолик, какой же ты, к чёрту, революционер?» — говорит он себе в одну из особенно тягостных минут. «О Гамлет, Гамлет, — скорбно восклицает он, — (...) как выйти из твоей тени?..» Героем «Нови» избран человек, несколько не верящий в революцию, лишенный энтузиазма. Пассивность крестьянства ужасает Нежданова и вселяет в него сознание полной бессмысленности борьбы: «Или уж точно взять топор?.. А на кого идти, с кем, зачем? Чтобы казенный солдат тебя убубухал из казенного ружья? Да ведь это какое-то сложное самоубийство!» Нежданов исходит из мысли, что если русский народ разбудить — «это будет не то, что мы (народники. — А. Ц.) думаем». Мысль эта безусловно правильная, но романист вкладывает в нее не только антинародническое, но и

антиреволюционное содержание: еще в пору своей полемики с Герценом Тургенев настаивал на величайшей консервативности русского крестьянства.

Отсутствие веры в свое дело и неумение сблизиться с народом обуславливают полную неудачу неждановской деятельности. «Вот уже две недели как я хожу „в народ“ — и, ей-же-ей, ничего глупее и представить себе нельзя». Картина пропагандирования крестьян изобилует тягостными, «глупыми» подробностями, но в ней отсутствует даже революционная убежденность пропагандиста (а она-то во всяком случае существовала в действительности). Тургенев настойчиво ведет Нежданова по этому пути: ему мужики душу «помяли, хуже чем бока у Маркелова». Но после того, как Нежданов не сумел «опроститься», ему только «оставалось вычеркнуть себя совсем», что герой «Нови» и сделал.

Современное литературоведение признает в Нежданове, этом «роман-тике реализма», «исторически правильное выражение объективных противоречий народнического революционного сознания»⁵⁶. В художественном раскрытии этих противоречий Тургенев пользовался своим старым литературным методом. Это было единодушно признано критикой различных направлений. Считая, что «как характер случайный, исключительный, Нежданов до конца выдержан в очень верном тоне», «Русский вестник» в то же время находил этого героя очень несовременным. «Его внутренний разлад исходит от причин, едва ли продолжающих действовать среди нынешнего поколения революционеров», перешедших к Нежданову от Рудина, Гамлета Щигровского уезда и Чулкатурина. Это мнение решительно господствовало в критике «Нови»⁵⁷.

Не могло быть сомнения в том, что образ Нежданова не отражал собою ведущего типа народнических революционеров. «Именно потому, что в их среде большинство составляли не Неждановы, а люди сильного ума и удивительной энергии, политическое движение в России приняло к концу 70-х годов небывалые размеры»⁵⁸. Отсюда — естественно возникающий вопрос: «Хорошо ли было ставить в центре романа личность, в которой так мало внутреннего сродства с настроением группы, воплощающей в себе смысл и мораль проходящих перед нами картин?»⁵⁹. Казалось бы, на этот вопрос следовало дать отрицательный ответ. Нельзя было, — указывал Михайловский, — возрождать в Нежданове Чулкатурина; «типичнейшие представители интеллигенции 40-х годов не могут быть такими же типичнейшими представителями 70-х: слишком многое изменилось на Руси за эти три, четыре десятка лет. Слов нет, Неждановы возможны и теперь и даже наверное существуют. Но не все существующее может занять центральное положение в политическом романе. Скептик, да еще прирожденный скептик, неверующий, здесь особенно неуместен, потому что он — исключение»⁶⁰.

Знаменательна, однако, та поправка, которую Михайловский сделал в некрологе Тургенева. В нем он признал, что автору «Нови» «по каким-то особым внутренним требованиям его творчества, *нужно* было поставить в центре романа именно Нежданова»⁶¹. «Рудинский тип» не доминировал в 70-е годы, но он существовал в это время, и Тургенев имел право проследить формы его участия в народническом движении.

Путь Нежданова был в какой-то мере характерен для определенного слоя русских народников, в нем были отражены реальные исторические процессы. Нежданов «содрогнулся, сбился с пути, столкнувшись с резко отталкивающей внешностью народной жизни; ступи он шаг вперед (...), смрад рассеялся бы, безобразные призраки исчезли, и перед его взором раскрылся бы мир великой поэзии и великого смысла...»⁶². Это утверждение Алисова можно, конечно, оспаривать; во всяком случае Тургенев не изобразил такого Нежданова. Однако перед ним отнюдь не была закрыта дорога исцеления.

Как художественный образ Нежданов привлекал и волновал русских читателей «своей искренностью и благородными порывами, но вызывал сожаление своими противоречиями и слабостью»⁶³.

Рефлектирующему и сомневающемуся Нежданову решительно противостоит полная энтузиазма Марианна; контраст между этими двумя образами был последовательно проведен через весь роман. И этот образ отличался жизненной «неполноценностью»: дочь генерала, уличенного «в громадной казенной краже» и сосланного за нее в Сибирь, Марианна, казалось бы, меньше всего могла стать передовой женщиной. Однако она пошла иным путем, чем Варвара Павловна Коробьина-Лаврецкая, также дочь генерала-вора. Жить у Сипягина «в зависимости» Марианне было «тошно; она рвалась на волю всеми силами неподатливой души». Марианну отличает «прямота и простота чувства», она страдает «за всех притесненных, бедных, жалких на Руси» и готова за них «голову сложить».

В Марианне словно возродился тот девичий образ, который играл столь большую роль в «Рудине» и «Накануне»⁶⁴. Подобно Елене, Марианна немедленно отзывается на рассказ человека, которого она любит: «Все ее крепкое существо стало внезапно мягко как воск. Жажда деятельности, жертвы, жертвы немедленной — вот чем она томилась». Как и в Елене, в ней в этот момент живет горячее чувство «благодарности, гордости, преданности, решимости». В Марианне воплощено присущее лучшей части тогдашней русской молодежи стремление идти «к нашим братьям», целиком отдать себя народу. Даже в самый тяжелый момент своей жизни, когда Нежданов возвращается душевно разбитым и пьяным, Марианна преодолевает охватившие ее было сомнения: «На нее как будто повеяло настоящим запахом того мира, куда она стремилась... и содрогнулась она от этой грубости и темноты. Какому Молоху собиралась она принести себя в жертву? Однако — нет! Быть не может! Это — так; это случайно и сейчас пройдет». Глава о «хождении в народ» Марианны, которую, по свидетельству Драгоманова, написал Тургенев⁶⁵, не вошла в окончательный текст «Нови». Но и без этой главы очевидно, что революционный энтузиазм этой девушки горит могучим пламенем. «Нет — я в *самое* дело не верю, — признается ей Нежданов. — А ты веришь, Марианна?» — Марианна выпрямилась и подняла голову. — «Да, Алексей, верю. Верю всеми силами души — и посвящаю этому делу всю свою жизнь! До последнего дыхания!»

Лишь немногие из критиков отвергли этот женский образ. Рецензенту консервативного «Русского мира» характер Марианны представлялся «крайне неясным, неанализированным и несообразным»⁶⁶, да и Ткачев иронически назвал ее «курьезным экземпляром милого недоросля в кисейном платье», упрекнув Марианну в отсутствии у нее «всякой личной инициативы»⁶⁷. Большинство не согласилось с такой оценкой. Анненков в письме к Тургеневу находил, что «тип Марианны почти что *абсолютного* достоинства и совершенства»⁶⁸. «Новое время» указывало, что «Марианна, несмотря на избитость замысла, выходит типом и новым, и ярким, и очень интересным»⁶⁹. «Неделя» находила, что «в идеальном сонме тургеневских женских типов» героиня «Нови» «займет не просто видное, но может быть самое видное место». «Я не знаю, — писал рецензент этого журнала, — много ли в нашей литературе найдется таких прекрасных, художественных произведений, как сцена объяснения Марианны с Неждановым <...> в XV главе романа. Проще, естественнее, симпатичнее такой сцены объяснения ничего кажется невозможно себе представить и что главное — в этой сцене именно чувствуется колорит <...> „Нови“...»⁷⁰. Этот образ сочли правдивым и революционные народники. «Марианна, — писал Михайловский, — это — блистающий яркими красками благоуханный цветок, раскрывшийся под влиянием весеннего тепла и света»⁷¹. «Образ Мари-

анны,— писал Алисов,— так дивно поэтичен; в ее трезвой и чудной натуре лежит так много бесконечно хорошего...»⁷²

Образ Марианны был, однако, исключением: большая часть народнических образов «Нови» возбудила к себе явно настороженное отношение критиков этого лагеря. «Новь» не приняли ни Лопатин и Михайловский, ни Ткачев, считавший Остроудмова, Маркелова, Машурина «статистами», «случайными актерами»⁷³. Эту всеобщую ущербность тургеневских народных резко критиковал впоследствии Дейч, указывавший, что «всех этих обиженных и несчастных» революционеров Тургенев «выдумал — они только плод его фантазии». Не было ни такого коверканья языка, на которое пускались революционеры «Нови», ни такого питья водки в кабаках. «Лица неждановского типа <...> не кончали самоубийством на воле, до ареста, а так или иначе стремились попасть в тюрьму, где или вылечивались от этого недуга, или становились мирными обывателями»⁷⁴.

Однако мнение на этот счет Дейча нельзя считать единственным. В разрез с ним С. И. Мицкевич, бывший в те годы народником, указывал, что все 2000 человек, пошедших в народ, «были к этому мало подготовлены, неумело переодевались, неумело подходили к крестьянам и к осени (1874 г.) они были почти все арестованы. Кабаки, трактиры были обычными местами пропаганды и агитации»⁷⁵. При этом, естественно, должны были открыться многочисленные слабые стороны народнической пропаганды, и Тургенев изображал последние близко к истине.

Лавров был решительно не согласен с Дейчем. «Группа, составляющая центр всего рассказа и привлекающая симпатии читателя, несмотря на свои недостатки, это — группа молодых людей, глубокие убеждения которых сделали их врагами порядка вещей, существующего в России. Они живут своим трудом; они горды своей бедностью; они ищут не выгодной карьеры или личного счастья; они хотят „служить“ народу, подавленному господствующими классами...». Несмотря на их недостатки, ошибки, недостаток ума и пр., деятельность их вызывает «любовь и уважение», люди эти «суть представители высшей нравственности». Для Лаврова являлось несомненным, что «Машурины, Остроудмовы, Маркеловы были живые лица, типы, которые действительно встречались; даже Неждановы были возможны <...>, но дело в том, что лишь художник-индивидуалист мог ограничиться этими личностями»⁷⁶. Ошибка Тургенева — в том, что он не показал главный слой, определяющий народническое движение. «Дело в том, что в революционной партии были не одни Машурины, Остроудмовы и Неждановы <...> Процессы 1877-го и следующих годов показали, что люди иного типа были налицо, а между тем даже отдаленного намека на эти весьма характеристические типы» Тургенев не сделал⁷⁷. Едва ли, однако, это можно поставить ему в вину: ведь роман писался задолго до этих процессов, художником мало осведомленным в делах революционеров. Но в утверждениях Лаврова особенно важен их итог: молодежь Тургенев выставил «как единственную представительницу высокого нравственного начала»⁷⁸. Вывод этот решительно подтвержден всем содержанием романа. Не веря в успех народнической революции, автор «Нови» тем не менее изображает борцов за нее людьми очень высокого нравственного уровня.

С. Н. Кривенко в беседе с Тургеневым указал на то, что в народническом движении были «гораздо более яркие и симпатичные фигуры», на что тот ответил: «Не отрицаю этого и охотно допускаю, но я таких людей близко не видел, не видел их деятельности, а затем, подумайте, как бы я стал изображать их деятельность? Ведь тогда „Новь“ не могла бы появиться в русской печати»⁷⁹. В последнем замечании заложена истина: то, что Нежданов, Машурина, Маркелов и другие были сделаны «неудачниками», несомненно, ослабило подозрительность цензоров.

Тургенев не написал того романа о противоречиях самой тактики хождения в народ, которого от него ждал современный нам исследователь⁸⁰. Но некоторые черты этой тактики он все же смог отразить. «... люди, — комментировал он свой роман в беседе с Кривенко, — до того уходят в борьбу, в технику разных своих предприятий, что совершенно утрачивают широту кругозора»⁸¹. По справедливому замечанию Кропоткина, Тургенев «понял две характерные черты самой ранней фазы этого движения, а именно: непонимание агитатором крестьянства, вернее — характерную неспособность большинства ранних деятелей движения понять русского мужика, вследствие особенностей их фальшиво литературного, исторического и социального воспитания — и, с другой стороны, — их гамлетизм, отсутствие решительности, или, вернее, „волю, блекнущую и болеющую, покрываясь бледностью мысли“, которая действительно характеризовала начало движения 70-х годов»⁸².

Не будем много говорить здесь о правдоподобию отдельных фигур тургеневских народников. Оно бесспорно: Вера Фигнер признала величайшую характерность не только Марианны, но и Машуриной⁸³. П. Ф. Якубович подчеркивал, что образы, созданные Тургеневым, — Рудин, Инсаров, Елена, Базаров, а также Нежданов и Маркелов — «не только живые и выхваченные из жизни образы, <...> это типы, которым подражала молодежь и которые сами создавали жизнь»⁸⁴.

4

Подлинным «героем» «Нови» является не Нежданов, а Соломин. Именно ему принадлежит почетная роль «плуга» в русском освободительном движении, роль «просвещения», без которого невозможна и революция. «Учение, — писал Тургенев, — не только свет, по народной пословице, — оно также и свобода. Ничто так не освобождает человека, как знание...»⁸⁵. Это «знание» и принес с собою Василий Федотыч Соломин, заводский механик, подлинный человек из народа.

«Времена переменились; теперь Базаровы не нужны <...> Базаров все-таки еще тип, прероизвестник, крупная фигура, одаренная известным обаянием, не лишенная некоторого ореола: это всё теперь неуместно <...> Мы вступаем в эпоху *только полезных людей*... и это будут лучшие люди. Их, вероятно, будет много; красивых, пленительных — очень мало». Это письмо от 11/23 сентября 1874 г. к А. П. Filosoфовой уже намечает жизненный облик Соломина⁸⁶, который задуман и осуществлен как «обыкновенный человек». У Соломина подчеркнуто прозаическая и демократическая внешность: он некрасив, неуклюж и в то же время прост в обращении. Он остроумен и может быть очень язвительным, когда перед ним враг; в остальных случаях он «почти постоянно улыбался, и улыбка его была тоже какая-то бесхитростная — но не безотчетная, как и весь он».

Соломин негодует на притеснителей и любит фабричных, которые со своей стороны отвечают ему всеобщей любовью, ценят его и гордятся им. Он достаточно проникателен, чтобы понять, что борьба между «*landed gentry*»* и буржуазией окончится победой последней; однако — от этого народу легче не станет, так как купец — хищник. Политическая программа Соломина резко отличает его от народников. Цель у него с Маркеловым «одна, а дорога другая», вернее, одна не цель, а идеал. Он несколько не верит в революционную активность крестьянства, поскольку из мужиков свою выгоду знают только кулаки, с которыми Соломину, конечно, не по пути. Опорой не является и рабочий класс: «у нас фабричные не то, что за границей, — самый тихоня народ». На чем основывается

* «поместным дворянством» (англ.).

ПРОТОТИПЫ СИПЯГИНА

Крупные чиновники царской России 1860—1870-х годов: П. А. Валуев (вверху),
Д. А. Оболенский и А. А. Абаза,
Фотографии, 1860—1870-е годы

Литературный музей, Москва

«...я не копирую действительные эпизоды или живые личности, но эти сцены и личности дают мне материал для художественных построений» (Тургенев)

это утверждение Соломина — неизвестно. Стало быть, надо ждать, двигаться медленно, с остановками, применить «постепеновство снизу». Бесцельно строить баррикады, они все равно будут разрушены — в деле революции «не только первые и вторые погибнут — но и десятые и двадцатые». Соломин «сочувствовал» революционерам, но сознавал отсутствие народа, без которого нельзя ничего поделаться и который готовить долго. Отсюда — осторожность тактики Соломина. «Надо показать, что он остается цел не как хитрец и виляка и трус, а как умный и дельный малый, который даром не хочет путать ни себя, ни других»⁸⁷.

Понимая, что герой подобного типа может не привлечь к себе симпатии передового читателя 70-х годов, Тургенев сопровождает образ Соломина еще большим количеством аттестаций, чем это было в «Дыме» в отношении Потугина и Литвинова. Идеализация Соломина начинается буквально с первого упоминания его имени и заканчивается лишь в эпилоге «Нови». И Паклин сразу называет Соломина «чудесным», и Нежданову он чрезвычайно и с первого взгляда понравился, и Марианна им увлечена. Перед Соломиным, как мальчишка, волнуется Сипягин, даже Валентине Михайловне он «импонирует». В конце романа показан завод Соломина «на каких-то артельных началах», он обязательно «продолбит», станет победителем. «Такие, как он, — заявляет Паклин, — они-то вот и суть настоящие. Их сразу не раскусишь, а они — настоящие, поверьте; и будущее им принадлежит <...> это — крепкие, серые, одноцветные, народные люди <...> Помилуйте: человек с идеалом — и без фразы; образованный — и из народа; простой — и себе на уме... Какого вам еще надо?» (гл. XXXVIII).

Достоевский уже в январе 1877 г. заявил, что взгляд Тургенева на Соломина «совершенно ошибочен» и он с ним «глубоко не согласен»⁸⁸. Не согласилась с воззрением романиста на Соломина и вся русская критика, действовавшая в этом отношении с поразительным единодушием. Орган дворянских консерваторов иронизировал: «Найден Еруслан Лазаревич новейшей Руси, витязь *sans peur et sans reproche* *, с идеалом и без фразы, умный, как день, и здоровый, как рыба. Он уже едет по этой настоящей исконной дороге и зовет нас за собою, и, как светоч в пустыне, блещит нам его златоверхий шатер... виноваты: его артельная сыроварня в городе Перми». Журнал Каткова отвергает программу Соломина: «...из этого бессилия он указывает такой выход, который гораздо хуже самого бессилия. Не страшна и не долговечна подземная работа Дон Кихотов и Гамлетов революции; но если бы России предстояло в самом деле попасть в лапы бездушных, наглых, ограниченных Соломиных, тогда, действительно, за нее пришлось бы ужаснуться»⁸⁹. «Русскому вестнику» вторил «Русский мир»: «...ликовать ли нам, что нашим детям предстоит попасть в заgreбистые лапы Соломиных? <...> если бы действительно русская жизнь подготавливала в будущем господство Соломиных, тогда... тогда, лучше в Камчатку уйти»⁹⁰. Умеренно-либеральная печать обращала внимание на различие дела Соломиных с русской революцией⁹¹, она отрицала за этим выжидающим и высматривающим человеком право называться «положительным героем»⁹².

Один Анненков находил, что «Соломин очерчен чрезвычайно тонко, почти <...> химическими чернилами, которые выступают ясно только на огне размышления и углубления в эту персону»⁹³, да Алисов патетически восклицал, что «Соломин и Марианна — носители судеб будущего. Я верю Тургеневу, что они существуют; святою радостью наполняется моя душа при этой мысли. Эти исполинские натуры, уравновешенные физически, нравственно и умственно, пророчат нам великое будущее...» Но и Алисов вынужден был признать в «исполинской натуре» Соломина «отсутствие ху-

* без страха и упрека (франц.).

дожественной полноты», что в значительной мере обесценивало его восторги⁹⁴. Большинство народников Соломина отвергло: по мнению Русанова, «симпатичный автору Соломин поражал их <революционеров.— А. Ц.> такой „умеренностью и аккуратностью“ в своих реформационных замыслах, что больно за Марианну, прельстившуюся этим кулаком от науки, этим новым воплощением Штольца из „Обломова“»⁹⁵. По мнению Михайловского, «туманна фигура Соломина и даже совершенно неправдоподобна. Он, по рекомендации автора, человек честный, прямой, не вилляющий, а между тем постоянно вилляет, то есть его заставляет виллять сам же автор — стоящий в фальшивом положении»⁹⁶. Ткачев причислял Соломиных к «самым заурядным эгоистам», свободным «от всяких идеалов, вечно пекущихся прежде всего о собственной своей рубашке». Более того, — Ткачев находил, что «основной принцип» деятельности Соломина «решительно ничем не отличается от основного принципа господ Сипягиных. Та же двуличность, то же камелеонство, то же „хитрое“ лавирование между Сциллою и Харибдою, интересами волков, с одной стороны, и овец, — с другой»⁹⁷. Дейч решительно отказывал Соломину в праве на чувство Марианны: «С уверенностью можно сказать, что ни одна из передовых девушек 70-х годов, в период хождения „в народ“, не вышла бы замуж за „уравновешенного“, „ни холодного, ни горячего“ молодого человека, каким Тургенев представил Соломина»⁹⁸.

Так был отвергнут критикой этот столь симпатичный Тургеневу образ «постепеновца снизу». Отрицание Соломина в значительной мере обуславливалось тем, что на всем протяжении романа он не совершает ни одного такого поступка, который соответствовал бы многочисленным тургеневским рекомендациям. Критике предоставлялось верить романисту на слово; она этой возможностью не воспользовалась.

В ответ на вопрос Кривенко: «А не думаете ли вы, что Соломины легко могут превращаться в простых буржуа или в самодовольных навозных жуков?» — Тургенев ответил: «Это уж от них зависит, это смотря по человеку или людям и по тому, как они будут действовать — в свою пользу или нет, в одиночку или согласно, поддерживая друг друга»⁹⁹. Вопрос о возможности трансформации Соломина был как нельзя более естественным, поскольку образ этот был неясным и не удовлетворяющим читателей. Характерен позднейший ответ на этот вопрос Дейча — он был убежден именно в неизбежности превращения Соломина «в простого буржуа». «Спустя пару-другую лет, он <Соломин.— А. Ц.> убедился, что завод „на артельных началах“ не может у нас идти как следует, а потому он стал единым его собственником. Дело у него пошло хорошо: рабочим у него было немного лучше, чем у других хозяев, но и „прибавочную стоимость“ он получал бóльшую, чем они. Соломин сам много трудился, вникал во все. Предприятие его все увеличивалось и расширялось. Он стал очень богат. Из Перми переселился в столицу, где приобрел собственный роскошный особняк на Каменно-Островском проспекте. Дети подросли. Марианна, сильно состарившаяся, подурнела. Соломин завел себе на стороне танцовщицу... Конец его также не трудно предсказать: он умер почтенным, всеми уважаемый гласным Думы»¹⁰⁰.

Этой истории последующей жизни Соломина нельзя отказать в выразительности, но нельзя в то же самое время и не признать ее односторонней. Луначарский был более объективен, говоря о множестве путей, которыми мог бы в дальнейшем пойти тургеневский герой. Соломин «может быть оппортунистом, вроде Потугина <...> Сначала будет он директором, а потом хозяином фабрики, — и всегда он будет знать, что делает <...> Перед ним расстилаются широкие горизонты. Тургенев не смеет, да и не может еще окончательно сказать, какие это горизонты, куда приложит свои силы этот новый общественный тип»¹⁰¹. Бросается в глаза согласие

марксистского критика с тем, что говорил о будущем Соломина сам автор «Нови».

Современная нам критика справедливо подчеркнула, что идеально-декларативная фигура Соломина проверки времени не выдержала, что она представляла собою «воплощение несбывшейся либеральной утопии»¹⁰², что в ней «ощущается чисто культурническая тенденция», граничащая «с отказом от революционных методов борьбы»¹⁰³. Нельзя отказать Соломину в реализме: его только никак нельзя назвать революционером.

В цитированном выше письме к С. К. Кавелиной от 21 декабря 1872/2 января 1873 г. Тургенев писал: «... из двенадцати лиц, составляющих мой персонал, два лица не довольно изучены на месте, не взяты живьем». Первым из этих «не довольно изученных лиц» был, конечно, Соломин, вторым, нужно полагать, его «factotum» — фабричный рабочий. «Павел (сделать из него лицо)», — записал Тургенев в черновых планах «Нови»¹⁰⁴. Этот человек «книжки всякие читает», он «какой-то удивительный (<...>, все-то он знает, так тебя глазами насквозь и нижет», «преумный и прехитрый, будущая „голова“». Действия Павла в значительной мере подтверждают его характеристику: ловкость его проявилась прежде всего в том, как он вызволил Нежданова из «кружала», а затем и в его обращении с чиновниками и жандармами, приехавшими арестовать Нежданова и Соломина. Фигура Павла привлекла к себе внимание Алисова, заявившего, что в народной среде этот фабричный рабочий «будет действовать не только не хуже, но и лучше Соломина»¹⁰⁵. Тургенев понимал жизненную значительность созданного им образа. «Быть может, — писал он 17/29 декабря 1876 г. Кавелину, — мне бы следовало резче обозначить фигуру Павла, соломинского фактогума, будущего народного революционера, но это слишком крупный тип, — он станет со временем (не под моим, конечно, пером — я для этого слишком стар и слишком долго живу вне России) центральной фигурой нового романа. Пока — я едва начал его контуры». «Контуры» были бы означены определеннее, если бы Павел был теснее связан с фабричной средой, где, по словам Маркелова, «только копни: что в муравьиной кучке, сейчас заворожатся». Не веря в движение масс, Тургенев не развил этой характеристики. Ему, по словам Гл. Успенского, был в значительной мере непонятен «угрюмый рабочий»¹⁰⁶.

Завершим нашу характеристику образов «Нови» Паклиным. Этому персонажу в романе предназначалась немаловажная роль, и Тургенев недаром именно с него начал серию «формулярных списков» действующих лиц задуманного романа. Уже в первой главе «Нови» мы находим выразительный портрет Паклина, вслед за которым следуют его характеристика и предыстория. Паклин — не народник и не революционер, но он интересуется этим движением, стремится ему помочь и вместе с тем остро видит его слабые стороны. Такая независимая позиция Паклина дает ему возможность свободно высказываться на разнообразные темы русской общественной жизни. Например, в гл. IV «Нови» слова Паклина: «...мы никого не знаем», «...мы уходим теперь в тот же лес, сиречь в народ, который для нас глух и темен — не хуже любого леса!» «Мы» — сказано здесь, конечно, совершенно условно: Паклину не доверяют, да и он слишком труслив, чтобы идти «в народ». Трусость доводит Паклина до фактического доноса на близкого ему Нежданова — и недаром по выходе из губернаторского дома его охватывает невыразимое отчаяние.

Уже современная «Нови» критика отмечала особую значительность речей Паклина. «Маленький уродец Паклин — Мефистофель романа, он острит так умно, замечания его так глубоки и метки, что я уверен, что сам Тургенев, слышно для всех, говорит его устами и сидит в его уродливом теле»¹⁰⁷. С этим утверждением Алисова вполне солидарен был и Михайловский; по его мнению, в уста Паклина автор «Нови» «вкладывает много сво-

их собственных, тургеневских шпилек и острот, а отчасти и серьезных мыслей, предоставляя, впрочем, свое серьезное задумчивое более Нежданову...»¹⁰⁸. Из уст Паклина исходит суждение о «всероссийском критике» Скоропихине, которое Тургенев находит «верным и метким», ирония над авторами повестей с направлением и многое другое, вплоть до заключающих роман слов «Безымянная Русь!». Анненков протестовал против того, что такое «многозначительное восклицание» было передано Паклину: по мнению этого критика, оно «заслуживало бы быть помещенным в другие, более авторитетные уста. Паклин брякнул тут мысль повыше его разума, да и не ему следовало бы давать ключ к уразумению всего смысла произведения, а кому-нибудь другому...»¹⁰⁹. Тургенев, однако, не согласился с Анненковым: восклицание «Безымянная Русь!» было оставлено Паклину, интеллектуальные качества которого установлены романистом еще в биографическом «формуляре»: «Гораздо шире и глубже и дельнее Пугасова. Смело берется за все важнейшие вопросы и любит их разрешать меткими суждениями»¹¹⁰.

К каким же идеологическим выводам приводит нас система образов «Нови»? Эти выводы немаловажны. Тургенев утверждает ею, во-первых, нищету и бесправие пореформенного крестьянства. Оно покорно существующему порядку и само пресекает деятельность революционеров-пропагандистов, борющихся за народные интересы. Власти и дворянство охраняют старый порядок, они усердно эксплуатируют народ. Между помещиками-консерваторами и помещиками-либералами имеются некоторые внутренние различия, но они ничтожны и касаются больше тактики: и тут, и там перед нами ревнители дворянских интересов. Буржуазия законопослушна. Отдельные русские купцы — вроде Голушкина¹¹¹ на словах поддерживают народнических революционеров, но отшатываются от них при первой угрозе со стороны власти. Мелкобуржуазный либерализм (в лице Паклина) слаб и по этой причине склонен к ренегатству. Народники в своей лучшей и небольшой части полны жертвенного энтузиазма, в большинстве же своем или разъедены рефлексией (Нежданов), или решительны, но глубоко ограничены (Маркелов, Остродумов). Все они без исключения не знают пути к народу.

Будущее — за простыми, «серыми, одноцветными» людьми. Их представитель Соломин может, однако, пойти различными путями. Рабочие в массе своей так же пассивны, как и крестьяне. Но передовые по своему сознанию «фабричные» заслуживают внимания художественной литературы — это люди будущего.

5

Критика 70-х годов с исключительным единодушием расценила «Новь», признав в этом последнем тургеневском романе полное падение творчества писателя. «Русский мир» писал: «Романа в собственном смысле <...> почти нет. Это не что иное как длинный фельетон, повествующий о том, как некие питомцы петербургского нигилизма ходили бунтовать народ и как некие камергеры и действительные статские советники слабо этим встревожились и поехали к губернатору жаловаться. В промежутках рассказано, сверх того, как некая генеральская дочка отвергла любовь одного нигилиста, приняла оную от другого и сочеталась законным браком с третьим. Почему это так случилось и откуда собственно вышли эти характеры и эти отношения — остается для читателя неизвестным»¹¹². Того же мнения держался и «Русский вестник»: «Увы, да романа и нет ни на первой, ни на второй, ни на третьей сотне страниц. Перед читателями проходит вереница лиц, большею частью не играющих никакой роли, лиц поголовно ничтожных и... антипатичных»¹¹³. «Отечественные записки»

резко критиковали ту «антихудожественную грубость», с которой Тургенев вкладывал свои собственные мысли в уста первого попавшегося персонажа¹¹⁴. «Голос» увидел в «Нови» перепев старинных знакомых мотивов, лишенных на этот раз прежней «свежести и задушевности»¹¹⁵. Тургенев, — утверждало «Новое время», — в «Нови» «с большим старанием и искусством подражает самому себе»¹¹⁶. «Как художественное произведение роман не удовлетворяет даже снисходительным требованиям. В нем так же мало поэзии, как и пластического творчества»¹¹⁷. Достоинства «Нови» признавались этой критикой в оскорбительной для Тургенева форме: «Как у отцветших женщин красота плеч переживает увядание всего остального, художественная техника не изменяет г. Тургеневу и в этом его последнем, далеко не удачном в других отношениях произведении»¹¹⁸.

Нет нужды подробно опровергать все эти критические суждения. Они в известной мере обусловлены тем, что «Новь» являлась романом нового типа. В этом *политическом* романе Тургенев прибегал к новым приемам повествования, которые подготавливались им в «Отцах и детях» и «Дыме», но достигли наибольшей полноты именно здесь. Не находя в «Нови» «поэзии» и «пластического творчества», критики в сущности искали того, что в романе и не могло содержаться.

«Новь» — единственный тургеневский роман с эпиграфом, твердо фиксирующим политическую тенденцию произведения. «Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом». «...плуг в моем эпиграфе, — комментировал Тургенев, — не значит революция — а просвещение»¹¹⁹. Тем самым в романе сразу бралась под сомнение вся революционная деятельность народников. Увидев, что Остроумов, Нежданов и другие осуждены автором, читатели с нетерпением ожидали представителя просвещения — Соломина.

Как и прежние произведения, «Новь» в своих событиях твердо рассчитана «по календарю»: все они происходят весной, летом и осенью 1868 г. и лишь события 38-й главы переносятся на полтора года вперед, на зиму 1870 г.

Экспозиция действующих лиц отличается в его (Тургенева) новом романе непомерною растянутостью и, что всего удивительнее в таком опытным беллетристе, крайнею неискусностью. Вся первая половина романа израсходована на экспозицию, причем автор не дал себе труда поставить выводимые лица хоть в какую-нибудь правдоподобную житейскую связь, хоть в какое-нибудь драматическое соотношение»¹²⁰. Это утверждение критика «Русского вестника» решительно неверно. В основном экспозиция сосредоточена в первых шести главах «Нови». В I—IV главах выведены Остроумов, Машурина, Паклин, Нежданов и приходящий к нему на дом Сипягин. Уже в этих первых главах определены взаимоотношения: презрение Остроумова к Паклину, любовь Машуриной к Нежданову. Экспозиция этих четырех персонажей увязана с делом, которому они служат: письмо пришло — «скоро ехать надо будет». В разговоре персонажей во II главе сразу выясняется характер собравшегося кружка и вместе с тем политическая обстановка обозначившейся реакции. Появление Сипягина приводит к началу внешнего завязывания действия: Нежданов получает приглашение ехать на кондичии. Здесь Тургенев совершает отступление к событиям вчерашнего дня: «Но прежде следует рассказать, каким образом Нежданов встретился с ним (Сипягиным) в театре». Сцена в театре, изложенная предельно сжато, тем не менее возбудила сильное неудовольствие критики¹²¹.

С V главы действие переносится в имение Сипягиных Аржаное. В трех последовательных сценах экспонируются Сипягина и ее сын, Калломейцев и Марианна. И здесь, как и раньше, уже вполне определяется характер

взаимоотношений между этими отличными друг от друга людьми. Приезд Сипягина с Неждановым сводит воедино основных действующих лиц романа. На этом экспозиция в основном заканчивается.

Уже в VII главе Нежданов и Марианна почувствовали, что они «одних убеждений», — тем самым подготовлено их дальнейшее сближение. Переживания Нежданова своеобразно раскрываются в его письме к другу, Владимиру Силину (VIII гл.), чистый и глубокий образ которого до конца остается «внесценическим». Отметим, что Нежданов пишет другу четыре письма (гл. VIII, XXVI, XXX и XXXVII); ответов от Силина он не получает, и письма эти, таким образом, нужны исключительно для раскрытия одного Нежданова. В восьмой главе впервые упоминается о некоем Соломине, который, по слухам, «на отличную ногу поставил фабрику соседа-кушца».

Главы IX и X можно считать завязкой «Нови», положившей начало развитию основного конфликта романа¹²². Нежданов знакомится с Маркеловым, который оказывается членом той же тайной организации. Тем самым герой романа вовлекается в русло того потока, из которого он так хотел выйти еще в Петербурге. Взаимоотношения действующих лиц быстро начинают обостряться и завязываться. Во время недолгого пребывания в усадьбе Маркелова Нежданов встречается там с Остродумовым и Мангуриной; в саду у Сипягиных неожиданно для себя делается свидетелем объяснения между Маркеловым и Марианной.

В XII главе на первый план выступает Сипягина, стремящаяся «покорить» Нежданова. В «Нови» словно оживают мотивы «Месяца в деревне»: богатая и праздная барыня кокетничает со студентом, но, в отличие от Натальи Петровны, Сипягина Нежданова не любит. Образ Сипягиной показан не только в действии, но и в предыстории. Кокетство Сипягиной вызывает возмущение Марианны, и она назначает Нежданову место для разговора. Их разговор «в тот же вечер в одной из липовых аллей» сада (гл. XIII) способствует избавлению Нежданова от иллюзий в отношении Сипягиной. В результате объяснения он и Марианна становятся ближе друг к другу, становятся «хорошими приятелями». «Вы ведь такой же, как я — несчастный — и прав у вас тоже... дурной»; «... я никак не ожидал всего того... что теперь произошло между нами <...> мы вдруг очень... очень... сблизились».

Так неторопливо и в то же время основательно подготавливает Тургенев будущие конфликты «Нови». Тем самым опровергается утверждение, будто этот роман «внешним образом завязан очень рутинно»¹²³.

К XIV главе с достаточной ясностью определяется, что действие «Нови» течет по двум руслам — любовно-психологическому, ограниченному Аржаным, и социально-политическому, в основном происходящему за границами Сипягинского имения — в усадьбе Маркелова, на фабрике и в губернском городе. XIV и XV главы сильно продвигают вперед действие первого русла, доводя его до кульминации. Преодолевая сопротивление Сипягиной, понявшей, что Нежданов от нее отвернулся, Нежданов и Марианна дружески сближаются. XV глава рисует их объяснение, которое наполняет их умилением и восторгом: «... эта чудесная девушка — Марианна — в это мгновение стала для Нежданова воплощением всего <...> воплощением родины, счастья, борьбы, свободы!» После этого объяснения оба радостны, спокойны и решительны — они готовы к еще более беззаветной борьбе за свои идеалы.

Доведя этот поток действия до кульминационного напряжения, романист переносит его за пределы Аржаного. Он сталкивает Нежданова с Соломиным, «человеком, о котором в последнее время он слышал так много», и, после наметившегося между ними сближения, сводит их обоих с супругами Субочевыми, «Фимушкой и Фомушкой», и с купцом Голушкиным¹²⁴.

XXI глава, повествовавшая о возвращении Нежданова и Маркелова, дает Тургеневу возможность углубить конфликт между двумя планами: происходит ссора обоих из-за Марианны, ссора, которая, однако, завершается благополучным примирением «соперников». Но в XXII главе писатель теснее связывает Марианну с политическим планом сюжета: Нежданов рассказывает ей обо всем, она с живейшим интересом слушает его рассказ, она стала ему «дорогою, и близкой, и нужной... главное: нужной...».

Завершая на этом первую часть «Нови», Тургенев начинает вторую приездом Соломина в Аржаное (гл. XXIII). Тем самым оба сюжетных плана еще более переплетаются. Вслед за этим событием достигает наивысшей остроты конфликт между Марианной и Сипягиной, завершающийся изгнанием Нежданова из Аржаного и бегством с ним Марианны «на волю». Действие надолго переносится в фабричную квартиру Соломина — вводятся новые лица (Татьяна), в отношениях Марианны и Нежданова определяется некоторая перемена. Нежданов готовится начать «хождение в народ». Это совпадает по времени с волнениями крестьян, отказывающихся платить подати. Но еще до того как рассказать о результатах неждановской пропаганды, происходит свидание Марианны с Машуриной (гл. XXXI), важное для раскрытия обоих женских образов и особенно для психологии Марианны.

Отвечая на критику Кавелина, считавшего, очевидно, что крестьяне изображены в «Нови» бледно, Тургенев в письме к нему от 17/29 декабря 1876 г. объяснил это «некоторой преднамеренностью»: «Так как мой роман не мог захватить и их (по двум причинам: во-первых, вышло бы слишком широко и я бы выпустил нити из рук; во-вторых, я не довольно тесно и близко знаю их теперь, чтобы быть в состоянии уловить то еще неясное и неопределенное, которое движется в их внутренностях), то мне осталось только представить ту их жесткую и терпкую сторону, которую они соприкасаются с Неждановыми, Маркеловыми и т. д.». Вот почему Тургенев строит свой сюжет таким образом, что работа революционеров среди крестьян воспринимается, как правило, только опосредствованно. Автор не изображает в подробностях ни одной сцены между народом и революционерами¹²⁵, за исключением эпизода с попыткой Нежданова агитировать крестьян в кабаке (гл. XXXII). Да и этот эпизод Тургенев сопровождает замечанием: «Всё это рассказал Павел потом Соломину», хотя совершенно очевидно, что рассказ этот ведет сам автор. Содержащиеся в нем динамика, бытовой гротеск и трагический юмор были высоко оценены рядом критиков. Анненков писал, что в «Нови» «есть поразительные, просто трагические <сцены>, как последняя нервная пропаганда Нежданова и сцена в кабаке. Пафос почти невыносимый, но грандиозности кабацкой колоссальной, как сама Россия»¹²⁶.

С приездом к Соломину Паклина действие «Нови» вступает в свою катастрофическую стадию. «Вести, которые он привез, были действительно очень дурны. Маркелова схватили крестьяне и препроводили в город. Дурковатый приказчик выдал Голушкина: его арестовали. Он в свою очередь всё и всех выдает <...> Нет никакого сомнения, что он выдал Нежданова; полиция может ежеминутно нагрянуть на фабрику. Василию Федотычу тоже грозит опасность». В этих тревожных условиях Паклин составляет план действия, который должен прежде всего обезопасить его самого. Главы XXXIII, XXXIV и XXXV отводятся на изображение этой диверсии Паклина, диверсии, которая только усилила опасность для Нежданова и Марианны: «наши молодцы» жандармы наведены болтливым Паклиным на их след и вот-вот должны прибыть на фабрику.

Именно теперь, когда судьба остальных действующих лиц прояснилась, Тургенев обращается к своим героям. Нежданов чувствует себя уже

далеки не только от дела, в которое он не верит, но и от Марианны. Их объяснение в XXXIII главе полно исключительной психологической тонкости, которая была оценена критикой: «Мотивы эти, — писал Михайловский, — изучены Тургеневым до тонкости; и надо удивляться той виртуозности, с которою он их разыгрывает»¹²⁷. В том же глубоко психологическом плане рассказано о последних часах жизни Нежданова, его кратком разговоре с Соломиным. Сцена самоубийства Нежданова изложена с почти протокольной сдержанностью. Соломин и Марианна быстро уезжают, поручив Павлу встретить, как следует, «господ чиновников».

Глава XXXVIII заключает в себе финал романа. После краткого рассказа о результатах суда дается диалог оставшихся на свободе Паклина и Машуриной. Именно теперь произносятся крылатые слова Паклина. Народнические пропагандисты потерпели поражение, но в борьбу вступают «серые, одноцветные» люди, на авансцену выходит «безымянная Русь». Вот почему финал «Нови» не совсем минорен. «Грустная картина! Но г. Тургенев не любит обрывать свои романы на текущей минуте; в тумане и хаосе настоящего он всегда указывает светлый луч, светлую искру, зарождающуюся в грядущем»¹²⁸. В «Нови» этот прием применен, пожалуй, с большей силой, чем в предшествовавших ему романах — «Отцах и детях» и «Дыме».

Сюжетно-композиционный план «Нови», его «романическую часть» пробовали опорочить, утверждая, что она «наполнена несообразностями, которые до конца так и остаются неулаженными и неразъясненными»¹²⁹. Утверждение это совершенно неверно. За исключением эпизода у Фомушки и Фимушки, действие романа «развивается органически, из данных своего мотива, второстепенные лица не заслоняют главных, и рассказ течет свободно и занимательно, если признать занимательным самое данное рассказа»¹³⁰, т. е. если подходить к «Нови», как к социально-политическому роману, каким он в действительности и является.

Это роман о социальных конфликтах эпохи, главный из которых — конфликт между народническими революционерами и народной, крестьянской массой, которая их не понимает и на их зов не поднимается. Наряду с этим основным конфликтом, в тургеневском романе существует и второй — между революционерами и консервативным дворянством. Нельзя считать его «побочным»¹³¹, хотя бы потому, что он занимает в сюжете «Нови» главное в количественном отношении место. Тургеневу удалось с большой художественной силой запечатлеть коренное различие интересов Нежданова, Маркелова и Марианны, с одной стороны, Сипягиных и Калломейцевых — с другой, и проистекающую отсюда ненависть их друг к другу.

Однако второстепенные конфликты «Нови» не ограничиваются враждою двух станов. В революционном стане нет единства. Маркелов недоволен Неждановым, который, в свою очередь, внутренне чужд всему народническому кружку. Всем им в этом движении решительно противостоит Соломин.

Сюжет и композиция «Нови» двуплановы. Личной теме, например, психологическим переживаниям незаконнорожденного Нежданова, придана общественная окраска. В романе играет очень большую роль тема любви: Нежданов и Марианна, Маркелов и Марианна, Соломин и Марианна, Машурина и Нежданов. Нельзя сказать, что любовь для «Нови» — только один из рычагов движения сюжета¹³²: через нее раскрываются характеры, ее мотивы существенны даже для Машуриной. Вместе с тем даже чувство любви в «Нови» пронизано общественным содержанием: оно всегда сочетается — иногда очень противоречиво — с чувством революционного долга. Во имя последнего Маркелов «уступает» Нежданову Марианну, а Нежданов делает это в отношении Марианны и Соломина.

Маркелов уже не говорил Нежданову «иначе как: „ты“, и в этом неожиданном *ты*, обращенном к человеку, в котором он открыл счастливого соперника, которого он только что оскорбил кровно, которого он готов был убить, разорвать на части, — в этом „ты“ было и бесповоротное отречение, и моление смиренное, горькое, и какое-то право» (гл. XXI). В «Нови» Тургенев показывает любовь в ее сочетании с духовной близостью людей.

Мотивы идейной солидарности или, наоборот, отчужденности и прямой вражды отражаются на стиле «Нови». Возьмем портреты. Нежданов «с тем же недоумением глядел на это светлое, приветное — и в то же время столь чуждое лицо, которое так близко на него надвинулось и так снисходительно улыбалось ему». Лицо Марианны «находилось в почти черной тени; но так вопросительно, так настойчиво глядели на Нежданова ее смелые глаза, такое презрение, такую обидную жалость выражали ее сжатые губы, что он остановился в недоумении...» (гл. XII). В портретах «Нови» кратко, но чрезвычайно выразительно запечатлена и любовь Сипягиной к поэте, и намеренная неуклюжесть нигилистки Феклы Машуриной и озлобленность «желчевика» Маркелова. В Нежданове все «изобличало породу: маленькие уши, руки, ноги, несколько мелкие, но тонкие черты лица, нежная кожа, пушистые волосы, самый голос, слегка картавый, но приятный» (гл. IV). Эта сжатая портретная зарисовка Нежданова подчеркивает в нем главное, что его мучает — полуаристократическое происхождение.

Отличается ли «Новь» глубиной психологического анализа? Анненков давал на этот вопрос безусловно утвердительный ответ. «Лицо Нежданова, Марианны, их связь и сцены между ними бесспорно принадлежат к шеф-д'еврам вашей кисти. Я даже полагаю, что такой глубокий анализ душевного состояния обоих, как по отношению друг к другу, так и по отношению *к делу*, есть редкость во всех литературах — не только в нашей»¹³³.

Наоборот, Михайловский считал психологическое искусство «Нови» несовершенным. «Во-первых, — указывал он, — „Новь“ — роман политический, а потому в нем психическое движение должно хоть отчасти основываться на политических мотивах». Этого Михайловский не находил ни в одном образе, за исключением Марианны¹³⁴. Во-вторых, «все действующие лица „Нови“ являются в известном смысле вполне готовыми, что, мимоходом сказать, придает им какую-то деревянность. Процесс образования идей и чувств, толкнувших их на опасную дорогу, или совсем скрыт (Машурина, Остродумов, Соломин), или коротенько рассказан „словами“, да и то очень неполно»¹³⁵.

В этом вопросе Анненков гораздо ближе к истине, нежели Михайловский, оба аргумента которого не выдерживают критики. Тургенев, действительно, не показал «процесса образования» убеждений Машуриной или Остродумова — он не ставил перед собою этой задачи. В роман они приходят уже сформировавшимися революционерами. Из этого, однако, не следует, что такой «процесс» в «Нови» отсутствует — мы его видим во всей полноте в образе Марианны. В конце романа она, конечно, совсем иная, нежели в его начале. За несколько месяцев Марианна вполне определилась: перед ней не только вырос четкий идеал, но и наметились пути борьбы за его достижение. Не будем уже говорить о том большом пути психического перерождения, который прошел Нежданов. И второстепенные образы «Нови» претерпели существенные изменения: таков хотя бы Сипягин. И вся эта психологическая динамика неизменно основывается на политических мотивах. Фаталистическая концепция «неполноценности» демократических персонажей «Нови» несколько не препятствует их психологической углубленности.

В «Нови», как и в «Дыме», Тургенев прибегает уже к тому приему внутреннего монолога, которым он избегал пользоваться, например, в «Рудине». По существу такими внутренними монологами Нежданова являются его письма к Силину¹³⁶, особенно третье по счету письмо, написанное вскоре после приезда Нежданова к Соломину. В «Нови», как и раньше, Тургенев остается мастером психологической характеристики. На одной странице IV главы (от слов: «он был ужасно нервен, ужасно самолюбив, впечатлителен и даже капризен» и вплоть до конца этого абзаца) романист сумел с исчерпывающей полнотой очертить глубоко противоречивую психику своего героя.

Политические тенденции пронизывают не только изображение человека, но и природы. Нежданов стреляется в серый и сырой день возле той «старой-престарой яблони», которая привлекла его внимание еще в первые минуты после приезда к Соломину. «Ствол этой яблони оброс сухим мохом; шероховатые, обнаженные сучья, с кое-где висевшими красновато-зелеными листьями, искривленно поднимались кверху, наподобие старческих, умоляющих, в локтях согбенных рук». Эта яблоня не случайно привлекла к себе внимание Нежданова: она была так же стара и уродлива по своему виду, как и его переживания, в ней была такая же кривизна, как и в его душе...

В то же время Тургенев сохраняет в «Нови» всю поэтичность своего прежнего пейзажа. Беседы и любовные объяснения Нежданова и Марианны протекают в березовой роще. Бегство из Аржаного происходит в свежую и росистую ночь, в самом начале рассвета. «Ах, то утро! Какое оно было славное, свежее, молодое!» — с тоской вспоминает Нежданов впоследствии. Пейзажи «Нови» поразительно конкретны, точны, материальны. «Погода была июньская, хоть и свежая: высокие, резвые облака по синему небу, сильный, ровный ветер, дорога не пылит, убитая вчерашним дождем, ракиты шумят, блестя и струятся — все движется, все летит; перепелиный крик приносится жидким посвистом с отдаленных холмов, через зеленые овраги, точно и у этого крика есть крылья и он сам прилетает на них, грачи лоснятся на солнце, какие-то темные блохи ходят по ровной черте обнаженного небосклона... это мужики двоят поднятый пар» (гл. XXI).

«Роман, — писали о «Нови» «С.-Петербургские ведомости», — сух и тяжеловат, даже самый язык его, всегда у Тургенева столь изящный и поэтический, носит отпечаток выделанности и сухости»¹³⁷. И с этим суждением также невозможно согласиться; язык «Нови» остается всегдашним тургеневским языком. Его эпитеты, как всегда, образуют оригинальные оксюмороны: «заискивающая снисходительность», «горделивая скромность», «грустная гадливость», «Анна Захаровна терзалась угнетенной злобой». В нем по-прежнему много выразительных сравнений: цвет лица Маркелова «переходил в ту черноту, которую вежливые люди величают бронзой, но которая русскому глазу напоминает голенище». Павел принес Соломину «пару только что вымытых замшевых белых перчаток, каждый палец которых, расширенный к концу, походил на бисквит». Речь автора «Нови» изобилует разговорными и простонародными оборотами: Нежданов «даже несколько наддавал, как говорится, пару», «сено на дне было волжко», «лошади зашевелились, он их осторожно отпрукнул», «Сипягин, как говорится, даже не гукнул» и т. д.

По-прежнему мастерски индивидуализирована речь каждого персонажа: болтливая, претендующая на остроумие, но порою язвительная и меткая речь Паклина, патетическая речь Сипягиной, постоянно тяготеющий к ораторским оборотам и приемам язык Сипягина, желчная и злобная речь Маркелова, эмоционально-психологическая у Нежданова, образная и ладная речь Татьяны: в ее уста было вложено то словечко «опроститься»,

которым Тургенев так дорожил как простонародной оценкой интеллигентского «схождения в народ»¹³⁸. И наряду с языком каждого из действующих лиц «Нови» Тургенев достигает очень большого искусства в диалоге. В нем решительно доминирует общественно-политическая и социальная тематика, этот диалог представляет собою поединок противников. Таковы разговоры между Калломейцевым и Соломиным, между Неждановым и Маркеловым; такова и беседа в карете, во время которой Сипягин искусно вытягивает у Паклина сведения о местонахождении Нежданова и Марианны. Сипягин начинает разговор с Паклиным, «пуская в ход свои благосклоннейшие баритонные ноты». «— Но какое же то самонужнейшее дело, которому я обязан удовольствием вашего посещения? — „А! проклятый директор департамента! — снова подумал Паклин. — Будет тебе ломаться. английская морда!“ — Брат вашей супруги, — промолвил он громко, — господин Маркелов, схвачен мужиками, которых вздумал возмущать, — и сидит взаперти в губернаторском доме. Сипягин вскочил во второй раз. — Что... что вы сказали? — залепетал он уж вовсе не министерским баритоном — а так, какую-то гортанной дрянью» (гл. XXXIV).

В «Нови» с новой силой проступает тургеневский смех, то добродушный, то язвительный. С юмором описана сцена встречи Паклина с Машуриной, которой он предлагает зайти к нему. «Дама величественно измерила его взором — и, не сказав слова, пошла дальше. — Милая Машурина я вас узнал <...> — Ио соно контесса Рокка ди Санто-Фиуме! — отвечала дама низким голосом, но с удивительно чистым русским акцентом. — Ну что контесса... какая там контесса... Зайдите, поболтаемте... — Да где вы живете? — спросила вдруг по-русски итальянская графиня. — Мне некогда».

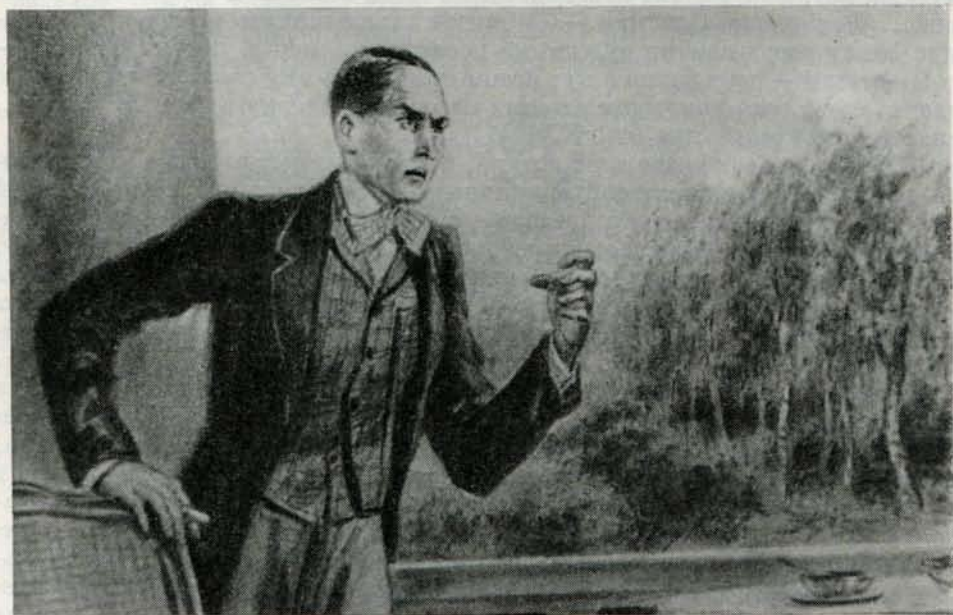
С тем же юмором, но с большей насмешкой описывает романист все те «штучки», которые супруги Сипягины проделали с нужным им Соломиным: «Вот это женка моя, — проговорил он, мягко нажимая своею ладонью спину Соломина и как бы надвигая его на Валентину Михайловну, — а вот, моя милая, наш первый здешний механик и фабрикант, Василий... Федосеевич Соломин. — Сипягина приподнялась и, красиво взмахнув снизу вверх своими чудесными ресницами, сперва улыбнулась ему — добродушно — как знакомому; потом протянула ему свою ручку ладонью вверх, прижимая локоток к стану и наклонив головку в сторону ручки... словно просительница» (гл. XXIII).

Юмор уступает место злой сатире, когда романист изображает Сипягина держащим государственную «длинную, обстоятельную речь. С одной стороны, он похвалил консерваторов, а с другой одобрил либералов, отдавая сим последним некоторый преферанс и причисляя себя к их разряду; превознес народ — но указал на некоторые его слабые стороны; выразил полное доверие к правительству — но спросил себя: исполняют ли *все* подчиненные его благие предначертания? Признал пользу и важность литературы, но объявил, что без крайней осторожности она не мыслима! Взглянул на запад: сперва порадовался — потом усомнился; взглянул на восток: сперва отдохнул — потом воспрянул!» (гл. XXIV). Изображение Сипягиных, Калломейцева полно того памфлетного элемента, против которого так протестовал Анненков. Ознакомясь с романом еще в рукописи, он настойчиво убеждал Тургенева в том, что «*истина памфлетная* — не есть художественная или беллетристическая истина», что «памфлет никогда не бывает весел», что он равносильен «простому ругательству», которое, быть может, и уместно «как вопль оскорбленного чувства <...>, но как способ обрисовывать личность в романе <...> никуда не годится»¹³⁹. Тургенев не внял этим советам своего друга: «Новь» вышла самым обличительным из его романов, полным гневной, бичующей сатиры.

Тургенев с волнением ждал, что скажут о «Нови» читатели и критика. Первые в свою очередь с величайшим нетерпением ждали появления этого романа. «Задолго до наступления 1877 г. распространилось сенсационное известие, что знаменитый автор „Рудина“, „Накануне“ и „Отцов и детей“ <...> написал новый роман из жизни социалистов»¹⁴⁰. У рецензента «Недели» «даже сердце замирало от какого-то страха <...> что-то будет, что-то он скажет?»¹⁴¹. В публике ходили толки, легенды, слухи: читателей истомило «долгое литературное безвременье», и они жаждали «увидеть живые художественные образы живой и современной действительности»¹⁴². «Роман читался с азартом всеми»¹⁴³, «многие тысячи русских людей бросились жадно читать его»¹⁴⁴. Библиотеки давали первый номер «Вестника Европы» с условием через два дня возвратить, «ибо все хотят прочесть „Новь“»¹⁴⁵. «Нужно ли прибавлять, что от появления почтальона с этими книгами до того момента, как у нас началось чтение вслух нового тургеневского романа, прошло лишь несколько минут, поглощенных беглым осмотром оглавлений, усаживанием за круглый стол и нетерпеливыми справками о том, сколько страниц нового романа помещено в этом номере!»¹⁴⁶

Внимание читателей привлек к себе уже эпиграф к «Нови»: он «казался особенно пикантным, и потому его старались выдвинуть на первый план. Действительно, он многих заинтриговывал и в значительной степени усилил нетерпение ожидавших и чаявших... „нового слова“»¹⁴⁷.

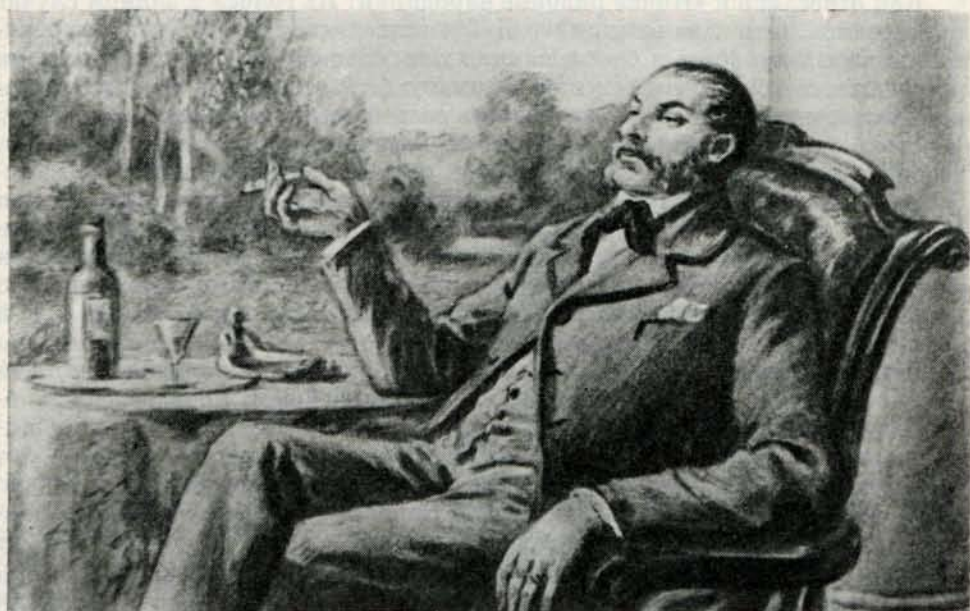
Читатели резко разошлись в своих суждениях о «Нови»: «Одни говорят, что в этом романе Тургенева все дело заключается в том, что все персонажи большого света вышли картонные и глупые, а все нигилис-

КАШЧЕВ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «НОВЬ»

Акварель К. Г. Кащева, 1951

Музей И. С. Тургенева, Орел

СИПЯГИН. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «НОВЬ»

Акварель К. Г. Кашеева, 1951

Музей И. С. Тургенева, Орел

ты — идеалы честности; другие бранят Тургенева за то, что нигилисты все вышли ничтожные и совсем неудачные как типы; третьи недовольны тем, что нигилисты Тургенева не довольно симпатичны; четвертые негодуют на Тургенева за его отсталость в изображении типов передовых людей; словом сказать, все недовольны, и красные, и багровые, и розовые, и белые! Довольны только пока, говорят, два человека, и то из этих двух один сам Тургенев, второй — издатель „Вестника Европы“ Стасюлевич, которому Тургенев дал тысячу лишних подписчиков»¹⁴⁸.

Редактор «Гражданина» В. П. Мещерский, которому принадлежала эта фельетонная классификация читателей «Нови», начал поход многочисленной группы реакционеров против тургеневского романа. «1 февраля <...> вышел февральский „Вестник Европы“, с окончанием романа Тургенева „Новь“. К вечеру уже слышал строгие о нем суждения. Видел господина, бросившегося на эту вторую половину с жадностью. Начал, читал, читал, и вдруг швырнул книгу, наполовину не докончив; сказав: гадость, мерзость!»¹⁴⁹. Только что прочитавший начало «Нови» философ и критик Н. Н. Страхов писал Толстому: «Шлепнулась самым жестоким образом <...> Исполнение — ниже всякой критики — насильственный рассказ, не оживленный интересом к тому, ради чего писан»¹⁵⁰.

В числе отрицателей «Нови» оказались и Некрасов и Щедрин, которые были возмущены содержавшейся в тургеневском романе критикой тактики народников. Некрасов говорил о Тургеневе: «Если он хотел показать нам, что направление юнош недовлительн — он не доказал; если хотел примирить с ними других — не успел; если хотел нарисовать объективную картину — она не удалась. Все-таки люди были крупнее (первые), да и хождение в народ — недосказано, оно бывало не так глупо»¹⁵¹. Предельной резкостью тона отличался отзыв о «Нови» Салтыкова-Щедрина в письме к Анненкову¹⁵².

Как отнеслись к «Нови» рядовые народники? Их голоса в данном случае разделились. Одни, как например Дейч, отнеслись к «Нови» как к «собранию нелепых курьезов и бессмыслиц» хуже «Бесов» и резко критиковали романиста, который, «приступив к роману <...>, не видел ни единого социалиста», изобразив этих последних состоящими из одних «калек»¹⁵³. Не столь враждебно отнесся к «Нови» Кривенко, который, однако, считал, что Тургенев «гораздо лучше сделал бы, если бы совсем не писал этого неблестящего и в литературном отношении романа». Но Кривенко отличал «Новь» от «Бесов»: «Там я видел озлобление <...>, а тут находил нечто примиряющее, нечто происходящее совсем из иного источника: порой недоразумение и недостаточное знакомство с молодежью (а не предумышленность), порою скорбь и досаду (а не нетерпимость и злобу), а порой несомненно и добрые стремления и желания»¹⁵⁴.

Рядовые писатели-народники и близко стоявшие к народничеству писатели отзывались о «Нови» как об «оригинальнейшем произведении последнего времени» (Златовратский)¹⁵⁵. «Прочли ли вы „Новь“? — спрашивал свою мать молодой Гаршин. — Вот Иван Сергеевич на старости лет тряхнул стариною. Что за прелесть! Я не понимаю только, как можно было, живя постоянно не в России, так гениально *угадать* все это». И несколько далее: «Марья Дмитриевна страшно негодует на Тургенева за „Новь“. Осмеял „де“ Нежданова! Осмеял! Когда читаешь, плакать хочется. А разве это не знак глубокого сочувствия автора к „Нови“, что он из среды ее ни одного подлеца не выбрал? А разве их мало?»¹⁵⁶.

Очень сочувственными были отзывы народовольцев, например, Веры Фигнер, пораженной «верностью типов» «Нови»¹⁵⁷, а также той молодежи 70-х годов, которая вскоре от народничества перешла к марксизму. Так, например, С. И. Мицкевич писал: «Впечатление этот роман произвел на меня огромное, он до основания потряс мое традиционное, казалось, столь прочно заложенное мирозерцание; он его не только потряс, но он его почти совсем разрушил. Для меня многое вдруг стало ясно и понятно. Я понял, что есть два мира: мир богатых помещиков, фабрикантов, представляемый Калломейцевыми, Сипягиными, хозяевами фабрик, охраняемый полицией, армией, а значит царем, и мир угнетенных бедняков — крестьян и рабочих, а революционеры — это и есть лучшие люди, которые хотят просветить крестьян и рабочих и поднять их на революцию против их угнетателей <...>. Неудача попытки поднять крестьян не воспринималась мною тогда как катастрофа всего движения. Думалось, что нельзя сразу раскачать темное крестьянство, надо идти туда и упорно *работать*»¹⁵⁸.

Завершив этот обзор читательских отзывов о «Нови» мнением Анненкова, который был, пожалуй, самым восторженным почитателем этого романа. Основную идею произведения он формулировал следующим образом: «...все это дикое, неумелое, почти позорное брожение есть результат невозможности существовать с абсолютизмом. Народ еще не чувствует этой невозможности, а образованный класс <...> уже страдает акутным абсолютизмом, вошедшим внутрь. От этого противоречия и весь кавардак». Либеральные убеждения Анненкова не могли не отразиться в его оценке романа и в частности в совершенно превратном истолковании заключительных слов Паклина: «Безымянная Русь. Да, это та, которая уже стоит на кафедрах, пишет в журналах, мечется из стороны в сторону под предостережениями, увольнениями, притеснениями. Об ней-то надо упомянуть, она-то и упразднит безобразников, в ней-то и будущность». Анненков делал ставку на буржуазную интеллигенцию, уповав на ее силу. Он решительно разошелся в этом с автором «Нови», для которого «безымянная Русь» была символом демократических низов, подымавшихся на борьбу с самодержавием. Но, превратно понимая важнейшие эпизоды «Нови»,

Анненков был прав, определяя ее как «без преувеличения важнейшее явление» русской литературы тех лет. «Пускай идет роман и ворочает нутро публики, а вы просите только у бога годок-другой жизни, и тогда увидите, каким лучезарно светлым взойдет он, покуравившись в грязях и солончаках журналистики и публики»¹⁵⁹.

Тургенев, которому не могли быть известны многие из приведенных выше читательских оценок «Нови», считал, что большая часть публики отвергла роман. «Восторженные письма Кавелина и его дочери, А. Головинина, заявления Пыпина и Е. Утина <...> в счет ставить нечего; даже ваше, столь дорогое для меня мнение is not conclusive*, как говорят англичане; безапелляционный суд публики решил — и не в мою пользу — в этом обманываться нечего». Так писал Тургенев Анненкову 10/22 января 1877 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Изучение «Нови» началось сравнительно недавно. Вульгарно-социологическая статья В. В. Буша в сб. «Тургенев» (Л., 1934) вызвала резкую критику С. И. Мицкевича («Тургенев и революционное народничество»). — «Литературный критик», 1934, № 9, стр. 181—186). В 1924—1925 гг. Луначарский писал о «Нови»: «Роман очень не понравился. Говорили даже, что он свидетельствует об упадке таланта Тургенева, что он скучен и неправдив. Все это — совершеннейшая неправда. Пусть читатель нашего времени перечитает романы Тургенева, и я убежден, что „Новь“ ему понравится более всех. Это — высокохудожественный, захватывающий роман» (А. В. Луначарский. Литература шестидесятых годов. — В его кн.: Статьи о литературе. М., Гослитиздат, 1957, стр. 209).

Утверждение Луначарского, что роман «Новь» не понравился, нуждается в уточнении. П. Ф. Алисов писал, что он захватывает «один из самых животрепещущих вопросов нашего времени» и показывает, что «осужденный на регрессию мозг Тургенева действительно работал и способен на многое» (П. Ф. Алисов. Несколько слов о романе «Новь» И. С. Тургенева. Genève — Bale — Lyon, 1877, стр. 4); <об Алисове см. в сообщении Е. Н. Дунаевой — настоящ. том, стр. 570—578>. Лавров рассматривал роман как дальнейшее развитие мотивов, намеченных в «Накануне»: «Русские Инсаровы <...> получили возможность „проявить себя в современном русском обществе“ (Соч. Добролюбова, III, 320). Новые Елены не могли уже сказать: „Что делать в России?“ Они наполняли тюрьмы. Они шли в каторгу» (Т. в восп. рев., стр. 31—32).

Из работ последних лет о «Нови» существенны: послесловие К. И. Бонецкого к изданию романа (М., Гослитиздат, 1949) и кандидатская диссертация А. А. Земляковской «Роман Тургенева „Новь“» (Моск. гор. пед. ин-т им. Потемкина, 1955. <Также статьи: Ф. Д. Кутышев. Образы народных героев в романе И. С. Тургенева «Новь». — «Учен. зап. Шахтинского пед. ин-та», т. II, вып. 1, 1957; Г. Б. Курляндская. К вопросу о характере Нежданова из романа Тургенева «Новь». — «Учен. зап. Казанского ун-та», т. 117, кн. 2, 1957, и вышедшие после смерти А. Г. Цейтлина: Е. М. Ефимова. К вопросу об идейном содержании романа «Новь». — «Учен. зап. Орловского пед. ин-та», т. 17, Межвузовский тургеневский сборник, 1963, стр. 150—179 и Л. А. Никольская. Тургенев и Щедрин в 70-е годы. (Из истории литературной полемики вокруг романа «Новь») — там же, стр. 180—217. — *Ред.*>.

² Б. Ч(и)вилев). Отрывочные воспоминания о Тургеневе. — «Русские ведомости», 1883, № 280, 12 октября.

³ Письмо от 26 января/7 февраля 1873 г.

⁴ Глеб Успенский в жизни. М. — Л., 1935, стр. 166; Т. в восп. рев., стр. 98; И. И. Иванов. И. С. Тургенев. Жизнь — личность — творчество. Нежин, 1914, стр. 694.

⁵ Комментарий Ю. Г. Оксмана к «Нови». — Соч. 1930, т. IX, стр. 439. В дальнейшем все цитаты из «формулярного списка» действующих лиц романа приводятся по кн.: А. Мазон.

⁶ Ср. в письме к А. Ф. Писемскому от 17/29 марта 1873 г.: «... нельзя, решительно нельзя писать русские вещи, рисовать русскую жизнь, пребывая за границей...» Ср. аналогичное заявление в письме от 19/31 января 1874 г. к М. В. Авдееву.

⁷ Письмо к А. Ф. Онегину от 8/20 марта 1874 г. См. также указ. комментарий — Соч. 1930, т. IX, стр. 445.

⁸ Тургенев сообщает Флоберу 22 июня/4 июля 1876 г.: «...я провожу ночи без сна, над письменным столом <...> Мой проклятый роман совершенно поглотил меня...»

* не является окончательным (англ.).

Ему же 27 июля/8 августа: «...вещь невероятная! — я окончил мой большущий роман и могу снова приняться за работу, — мне надо переписать его; он должен быть готов через два месяца, что будет нелегко; вы знаете, что значит переписывать. Бывают страницы, где не остается ни строчки». Этому, однако, несколько противоречит позднейшее (22 января/3 февраля 1877 г.) признание Полонскому: «... ни одно из моих больших произведений не писалось так скоро, легко (в 3 месяца) — и с меньшим количеством помарок». Ср. письмо к А. А. Мещерскому от 13/25 августа 1876 г., в котором сообщается, что стилистическая обработка текста производилась «с остервенением».

⁹ Переписка Тургенева и Анненкова о «Нови» опубликована М. Д. Беляевым в альманахе «Литературная мысль», вып. 1, Пг., 1923 (цитируемые места — на стр. 196, 198, 199, 200, 202, 205, 206).

¹⁰ Письмо к Стасюлевичу от 6/18 февраля 1877 г.

¹¹ Письмо к А. М. Жемчужникову 15/27 марта 1877 г. См. также цензурную историю «Нови» в указ. комментарии, стр. 450—455.

¹² Л. В. Пумпянский. «Новь». Историко-литературный очерк. — Соч. 1930, т. IX, стр. 157.

¹³ История СССР, т. II. Россия в XIX веке. Под ред. М. В. Нечкиной. Изд. 3. М., 1954, стр. 453—454.

¹⁴ Л. Г. Дейч, отрицавший реалистичность «Нови», указывал на то, что «в 1868 г. была полная глушь [...] не было нигде в России ни единого революционного кружка, задавшегося какой-либо тайной конспиративной целью» («Русские революционеры в романе „Новь“ И. С. Тургенева». — «Творчество», 1922, № 1-4, стр. 36). Деятельность Нечаева решительно опровергает это утверждение.

¹⁵ Ср. в «Господах Головлевых» (очерк «Выморочный») Щедрина условия расчета, предлагаемого Иудушкой мужику Фоке: «Так вот как мы с тобой сделаем: я тебе шесть четверчиков отмерить велю, а ты мне, через восемь месяцев, два четверчика приполницу отдашь — так оно четвертка в аккурат и будет! Процентов я не беру, а от избытка ржицей...» (Щедрин, т. XII, стр. 247). Очерк «Выморочный», появившийся в «Отечественных записках», 1876, № 8, мог повлиять на автора «Нови». Впрочем, условия, предлагаемые тургеневским помещиком-ростовщиком, еще тяжелее «Иудушкинова предложения», от которого «у Фоки даже дух занялся».

¹⁶ Письмо от 26 сентября/8 октября 1862 г.

¹⁷ См. запись С. Н. Кривенко «Всемогущий Житкин» — Соч. 1930, т. XI, стр. 583—584. В письме Тургенева к Н. А. Щепкину дается более точное написание фамилии: Жикин (письмо от 20 июля/1 августа 1876 г., т. е. на последнем этапе работы над «Новью»).

¹⁸ Письмо к А. В. Половцову от 23 июня/5 июля 1876 г.

¹⁹ Тенденциозно закрывая глаза на этот факт эксплуатации, орган консервативного дворянства с удовольствием подчеркнул: такого рода «мужики — единственные живые лица в романе; видно, что г. Тургенев не решился их переделывать и прилагивать, а изобразил такими, какими знал их раньше» (В. Г. А в с е н к о. «Новь» И. С. Тургенева. — «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 927).

²⁰ Письмо к А. С. Суворину от 14/26 февраля 1875 г.

²¹ Л. В. Пумпянский. Указ. статья, стр. 160—161.

²² П. Ф. Алисов. Указ. соч., стр. 9.

²³ «Губернатор города С» вполне раскрывается в гл. XXXV «Нови» как убежденный реакционер, исполнительный и высокомерный носитель административной власти. Б. М. Маркевич в «Голосе» находил всю сцену у губернатора неестественной. Возражая против этого, рецензент «Северного вестника» указывал, что «именно эта сцена замечательна по своей правдивости и дорисовывает окончательно нравственную личность русского „охранителя“, т. е. Каломейцева (Ал. Б. Комментаторы «Нови». — 1877, № 20, 20 мая). Рецензент был прав, но, естественно, что Маркевич, сатирически изображенный в образе Каломейцева, не мог одобрить это свое в высшей степени отрицательное изображение!»

²⁴ Г. А. Бялый. Тургенев. — «История русской литературы», т. VIII, ч. 1. М. — Л., 1956, стр. 389.

²⁵ «Таким образом, — пронизировал журнал Каткова по поводу объяснения Сипягиной с Марианной, — ненавистная барыня получает жесточайший реприманд и с позором удаляется со сцены, а „честность“ торжествует в лице угнетенной племянницы. То есть, так думает г. Тургенев, получающий вдохновение из романов г-жи Смирновой, а как об этом будут думать читатели — не знаем» («Русский вестник», 1877, № 2, стр. 925). На сей раз, однако, с ультраконсервативным журналом не согласился даже «Голос», отметивший связь образа Сипягиной с предшествовавшими ей фигурами: Сипягина — «та же Одинцова „Отцов и детей“, только положенная на подкладку Дарьи Михайловны „Рудина“». Рецензент «Голоса» находил, что глава, посвященная «завлечению Нежданова г-жей Сипягиной, особенно удалась г. Тургеневу» («Голос», 1877, № 6, 6 января). Другие критики единодушно признали типичность этой женской фигуры: «Валентина Михайловна представляет из себя тип флегматической кокетки, весьма удачно и прекрасно задуманной и очерченной г. Тургеневым» (А. М. С к а б и ч е в

с к и й. — «Биржевые ведомости», 1877, № 11, 12 января). «Каждый из нас часто встречал подобных личностей; она бессердечна, ограничена, бесстрашна и необычайно пошла...» (П. Ф. Алисов. Указ. соч., стр. 10). «...характер этой Сикстинской мадонны в ранге тайной советницы очерчен Тургеневым с неподражаемым мастерством тонкого знатока женской натуры» (П. Н. Ткачев. Уравновешенные души. «Новь». Роман в двух частях. Соч. И. Тургенева. — П. Н. Ткачев. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. IV. М., 1933, стр. 98. — Впервые: «Дело», 1877, №№ 2—4, за подписью: П. Никитин).

²⁶ «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 907—940.

²⁷ «Голос», 1877, № 48, 17 февраля; ср. специально о Калломейцеве: «...уже не характер, даже не живой образ, а весьма сомнительного вкуса шарж, который странно встретить на страницах серьезного произведения» («Голос», 1877, № 6, 6 января).

²⁸ W. Литературное обозрение. — «Русский мир», 1877, № 35, 6 февраля.

²⁹ Заурядный читатель <А. М. Скабичевский>. Мысли по поводу текущей литературы. Новые произведения г. Тургенева: «Сон», «Новь». — «Биржевые ведомости», 1877, № 11, 12 января.

³⁰ В. О л ь. Русская периодическая литература. — «Гражданин», 1877, № 4, 30 января, стр. 117.

³¹ Ал. Б. Комментаторы «Нови». — «Северный вестник», 1877, № 20, 20 мая.

³² В. М. <В. В. Марков>. Новый роман И. С. Тургенева. — «СПб. ведомости», 1877, № 6, 6 января.

³³ Т о р <В. П. Буренин>. Новый роман И. С. Тургенева. — «Новое время», 1877, № 308, 6 января.

³⁴ «СПб. ведомости», 1877, № 34, 3 февраля.

³⁵ «Северный вестник», 1877, № 20, 20 мая.

³⁶ П. Ф. Алисов. Указ. соч., стр. 9—10.

³⁷ И. И. Иванов. Указ. соч., стр. 701, 692, 702.

³⁸ С. И. Мицкевич. Указ. статья, стр. 183.

³⁹ Письмо от 22 декабря 1876/3 января 1877 г.

⁴⁰ Т. в восп. рев., стр. 7.

⁴¹ Из воспоминаний П. А. Кропоткина. — Т. в восп. рев., стр. 140.

⁴² Ткачев иронизировал по поводу введения в «Новь» «собственных имен», с которыми не соединяются никакие сколько-нибудь определенные представления (Указ. изд., стр. 91).

⁴³ Л. Г. Дейч справедливо указывал на неправдоподобие такого обращения правительственных органов с Кисляковым: «Столь снисходительно в описываемое Тургеневым время правительство не относилось даже к третьестепенным лицам, хотя бы самым отдаленным образом прикосновенным к революционной деятельности» (Указ. статья, стр. 41).

⁴⁴ «Одно только можно сказать, — с возмущением писал Михайловский, касаясь этого места первой главы, — какое нам дело до целомудрия госпожи Машуриной и какие уж мы с г. Тургеневым контролеры чужого целомудрия?» (Записки профана. — «Отеч. записки», 1877, № 2, стр. 316 второй пагинации). Дейч свидетельствует: «Когда, будучи юношами, мы прочли эти строки <о Машуриной>, — то, помню, возмущенно восклицали: „Какая пошлость!“» (Указ. статья, стр. 36).

⁴⁵ Л. О. <К. В. Лаврский>. Письма провинциального читателя. — «Неделя», 1877, № 3, 16 января.

⁴⁶ П. Ф. Алисов. Указ. соч., стр. 8—9.

⁴⁷ В. Н. Фигнер. Студенческие годы. М., 1924, стр. 47.

⁴⁸ С. И. Мицкевич. Указ. статья, стр. 183.

⁴⁹ «Голос», 1877, № 6, 6 февраля.

⁵⁰ Н. К. Михайловский. Указ. статья, стр. 317.

⁵¹ П. Ф. Алисов. Указ. соч., стр. 5.

⁵² С. И. Мицкевич. Указ. статья, стр. 183.

⁵³ П. Н. Ткачев. Указ. изд., стр. 104.

⁵⁴ Н. К. Михайловский. Указ. статья, стр. 318.

⁵⁵ Л. Г. Дейч. Указ. статья, стр. 37. — Наоборот, И. И. Иванов подкреплял правоту автора «Нови», сравнивая с Герценом, у которого якобы «вся жизнь не закрывалась роковая трещина в мыслях, во вкусах, во всей природе» и т. д. (Указ. соч., стр. 703).

⁵⁶ Г. А. Бялый. Указ. статья, стр. 388.

⁵⁷ «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 935, 934. Ср. «Русский мир», 1877, № 35, 6 февраля и «СПб. ведомости», 1877, № 6, 6 января.

⁵⁸ Из литературных воспоминаний Н. С. Русанова. — Т. в восп. рев., стр. 265.

⁵⁹ «СПб. ведомости», 1877, № 6, 6 января.

⁶⁰ Н. К. Михайловский. Указ. статья, стр. 322.

⁶¹ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч. Изд. 4. СПб., 1908, т. V, стр. 820.

⁶² П. Ф. Алисов. Указ. соч., стр. 6.

⁶³ С. И. Мицкевич. Указ. статья, стр. 183.

⁶⁴ «Марпанна — это та же Елена в „Накануне“, но Елена нашего времени, новая Елена, которая нашла своего Инсарова в России» («Неделя», 1877, № 3, 16 января). «Она близко напоминает Елену в „Накануне“: в ней та же пылкость, порывистость и решительность, но, кажется, она обещает быть натуральнее возлюбленной болгарского агитатора» («СПб. ведомости», 1877, № 6, 6 января).

⁶⁵ Т. в восп. рев., стр. 174. Однако это сообщение Драгоманова не всеми признается за достоверное (см.: Соч. 1930, т. IX, стр. 453).

⁶⁶ «Русский мир», 1877, № 35, 6 февраля.

⁶⁷ П. Н. Ткачев. Указ. изд., стр. 118, 119.

⁶⁸ «Литературная мысль», кн. 1, 1923, стр. 196.

⁶⁹ «Новое время», 1877, № 308, 6 января.

⁷⁰ «Неделя», 1877, № 3, 16 января.

⁷¹ Н. К. Михайловский. Письма постороннего в редакцию «Отечественных записок». — Полн. собр. соч. Изд. 4. СПб., 1908, т. V, стр. 824.

⁷² П. Ф. Алисов. Указ. соч., стр. 7.

⁷³ П. Н. Ткачев. Указ. изд., стр. 92.

⁷⁴ Л. Г. Дейч. Указ. статья, стр. 38—40.

⁷⁵ С. И. Мицкевич. Указ. статья, стр. 183.

⁷⁶ Т. в восп. рев., стр. 33—36. — Факт этот не отрицал и Мицкевич, добавлявший, однако: «Конечно, были среди народников и люди много покрупнее выведенных Тургеневым, но было немало и таких» (Указ. статья, стр. 183—184).

⁷⁷ Там же, стр. 36—37.

⁷⁸ Там же, стр. 37.

⁷⁹ Там же, стр. 240.

⁸⁰ Л. В. Пумпянский. Указ. статья, стр. 162.

⁸¹ Т. в восп. рев., стр. 242.

⁸² П. А. Кропоткин. Идеалы и действительность в русской литературе. Пб., 1907, стр. 115.

⁸³ В. Н. Фигнер. Студенческие годы, стр. 47.

⁸⁴ Т. в восп. рев., стр. 7.

⁸⁵ «По поводу „Отцов и детей“»; ср. письмо Тургенева к крестьянам Спасского-Лутовинова от 4/16 сентября 1882 г.

⁸⁶ Это заметил еще Лавров (Т. в восп. рев., стр. 30).

⁸⁷ А. Мазон, стр. 122.

⁸⁸ Ф. Достоевский. Дневник писателя. — Собр. соч., т. XII. М. — Л. 1929, стр. 29.

⁸⁹ «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 932, 941.

⁹⁰ «Русский мир», 1877, № 35, 6 февраля.

⁹¹ «Голос», 1877, № 6, 6 февраля.

⁹² «Неделя», 1877, № 3, 16 января. — «Сила и ум этого героя высказываются больше в иронических улыбках», — писало «Новое время» (1877, № 308, 6 января).

⁹³ Письмо к Тургеневу от 9 ноября 1876 г. — «Литературная мысль», кн. 1, стр. 196.

⁹⁴ П. Ф. Алисов. Указ. соч., стр. 6, 8.

⁹⁵ Т. в восп. рев., стр. 265.

⁹⁶ Н. К. Михайловский. Указ. статья, стр. 324.

⁹⁷ П. Н. Ткачев. Указ. изд., стр. 129.

⁹⁸ Л. Г. Дейч. Указ. статья, стр. 39.

⁹⁹ Т. в восп. рев., стр. 241.

¹⁰⁰ Л. Г. Дейч. Указ. статья, стр. 41.

¹⁰¹ А. В. Луначарский. Указ. статья, стр. 211—212.

¹⁰² Г. А. Бялый. Указ. статья, стр. 390.

¹⁰³ К. И. Бонецкий. Указ. статья, стр. 283.

¹⁰⁴ А. Мазон, стр. 136.

¹⁰⁵ П. Ф. Алисов. Указ. соч., стр. 7.

¹⁰⁶ Глеб Успенский в жизни, стр. 167.

¹⁰⁷ П. Ф. Алисов. Указ. соч., стр. 4.

¹⁰⁸ Н. К. Михайловский. Указ. статья, стр. 319.

¹⁰⁹ Письмо Анненкова к Тургеневу от 24 февраля 1877 г. — «Литературная мысль», кн. 1, стр. 207.

¹¹⁰ А. Мазон, стр. 113. См. также Тург. АН. Сочинения, т. XII, стр. 317 (здесь исправлена опечатка первой публикации: «борется» вм. «берется»). — *Ред.*

¹¹¹ Фигура купца Голушкина, «парня дурковатого, избалованного и крайне самолюбивого», жаждущего популярности и играющего «в оппозицию», раскрыта в сцене «столпотворения» во время обеда (гл. XX). Анненков находил эту сцену «пьяного обеда» — «одной из самых веселых и живых сцен романа» («Литературная мысль», кн. 1, стр. 200). «Русский вестник» писал: «Что сказать об этой, на вид весьма рискованной, фигуре — мы право не знаем; может быть в действительности нашим революционерам и случалось завербовывать подобные личности, а может быть и нет; по крайней мере, в известных политических процессах они не фигурировали, и по нашему личному впе-

чатлению — Голушкин, в особенности как старообрядец, неправдоподобен» (1877, № 2, стр. 922).

¹¹² «Русский мир», 1877, № 35, 6 февраля.

¹¹³ «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 921.

¹¹⁴ Н. К. Михайловский. Указ. статья, стр. 325.

¹¹⁵ «Голос», 1877, № 6, 6 января.

¹¹⁶ «Новое время», 1877, № 308, 6 января.

¹¹⁷ В. М. Общий вывод о последнем романе Тургенева. — «СПб. ведомости», 1877, № 43, 12 февраля.

¹¹⁸ «Голос», 1877, № 48, 17 февраля.

¹¹⁹ Письмо к Стасюлевичу от 26 июля/7 августа 1876 г.

¹²⁰ «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 921.

¹²¹ См. статью П. Н. Ткачева. Указ. изд., стр. 96 и «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 913. — Особенно подробно критиковал «несообразности» этого эпизода А. М. Скабичевский («Биржевые ведомости», 1877, № 11, 12 января).

¹²² См. А. А. Земляковская. Указ. диссертация, стр. 175.

¹²³ «Новое время», 1877, № 308, 6 января.

¹²⁴ Дом Субочевых, в котором время «казалось, остановилось», образует острый контраст столпотворению, творящемуся в доме Голушкина. «Очевидно, что эти „антики“, не имеющие внешней связи с ходом романа, извлечены на белый свет единственно для пущего контраста с людьми, слишком торопливо бегущими по пути прогресса» (В. М. — «СПб. ведомости», 1877, № 6, 6 января). Сцена у Субочевых была резко раскритикована. «Русский вестник» утверждал, что эта глава «по всем признакам <...> вставлена в роман из тетрадки, долго залежавшейся в бумагах автора» (1877, № 2, стр. 922). Буквально в тех же выражениях писал об этом и «Русский мир» (1877, № 35, 6 февраля). «Очень плохая и неизвестно для чего вставленная пародия старосветских помещиков Гоголя» (Н. К. Михайловский. Указ. статья, стр. 320—321). «Фомочка и Фимочка — старосветские помещики Гоголя, только в шутовских колпаках и почему-то с полным отсутствием религиозного чувства» (В. О. Л. Русская периодическая литература. — «Гражданин», 1877, № 4, стр. 118). «Голос» (1877, № 6, 6 января) критиковал этот эпизод за замедление нормального течения рассказа и отсутствие правды. «Пчела» (В. В. Чуйко — 1877, № 5, стр. 74) находила его ничем не связанным с содержанием романа, «ненужным, в высшей степени деланным». Лишь «Биржевые ведомости» (1877, № 11, 12 января) признавали, что этот «вставной эпизод, не имеющий с романом ничего общего и пришитый к нему на живую нитку», в то же время «прелестен и производит на читателя освежающее впечатление».

Тургенев не защищал главы о Фомушке и Фимушке. Он писал: «...это был мой каприз — я вспомнил такую старенькую чегу, которую знал когда-то» (письмо к Полонскому от 22 января/3 февраля 1877 г.). «Фомушка и Фимушка — вставной кусок; его можно вынуть безо всякого ущерба целому... Это одно их осуждает бесповоротно. Я просто не устоял перед желанием нарисовать старорусскую картинку в виде d'un geroussoir* или оазиса...» (письмо к Кавелину от 17/29 декабря 1876 г.).

¹²⁵ См. А. А. Земляковская. Указ. диссертация, стр. 184.

¹²⁶ «Литературная мысль», кн. 1, стр. 196. — Ср. в «Русском мире», 1877, № 35, 6 февраля: «Та часть романа, где рассказано хождение Нежданова „в народ“, очень хороша и блестит той краткой изобразительностью, в которой некогда г. Тургенев был так силен».

¹²⁷ Н. К. Михайловский. Указ. статья, стр. 321.

¹²⁸ «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 931. — В устах критика катковского жур-нала такое признание звучит особенно неожиданно.

¹²⁹ «Русский мир», 1877, № 35, 6 февраля.

¹³⁰ «Голос», 1877, № 6, 6 января.

¹³¹ Как утверждает А. А. Земляковская. — Указ. диссертация, стр. 171.

¹³² Там же.

¹³³ Из письма к Тургеневу от 9 ноября 1876 г. — «Литературная мысль», кн. 1, стр. 196.

¹³⁴ Н. К. Михайловский. Указ. статья, стр. 318.

¹³⁵ Там же, стр. 317.

¹³⁶ А. А. Земляковская. Указ. диссертация, стр. 212.

¹³⁷ «СПб. ведомости», 1877, № 43, 12 февраля.

¹³⁸ Реакционная критика была недовольна этим крылатым выражением: «Слово „опроститься“, „опростелые“, очевидно, придумано автором не вскользя, не мимоходом, а всерьез, как нечто такое, чему суждено играть роль на Руси, пожалуй, такую же, как слово „нигилист“. Автор повторяет эти словечки чуть не в каждой главе <это совершенно неверно! — А. Ц. > и, очевидно, желает, чтоб оно не проскользнуло как-нибудь мимо внимания читателя, но вошло бы во всеобщий оборот... Только навряд ли это будет...» («Русский вестник», 1877, № 2, стр. 925). «Судя по тому, как часто автор повторяет и подчеркивает это словечко, надо думать, что ему очень хочется пустить его в

* контраста (франц.).

ход, сделать его такой же кличкой, какой во время оно сделалось слово „нигилист“. Но, увы, это тщетная затея. „Опростелые“ не пойдут в обиход, потому что словечко это сочинено искусственно и выражает только одну, и притом не самую главную сторону типа» («Русский мир», 1877, № 35, 6 февраля).

¹³⁹ «Литературная мысль», кн. 1, стр. 197, 200, 199.

¹⁴⁰ Л. Г. Дейч. Указ. статья, стр. 32.

¹⁴¹ «Неделя», 1877, № 3, 16 января.

¹⁴² «Новое время», 1877, № 308, 25 марта.

¹⁴³ Там же, 1877, № 385, 6 января.

¹⁴⁴ «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 907.

¹⁴⁵ «Гражданин», 1877, № 2, стр. 45.

¹⁴⁶ «Неделя», 1877, № 3, 16 января.

¹⁴⁷ П. Н. Ткачев. Указ. изд., стр. 88.

¹⁴⁸ «Гражданин», 1877, № 2, стр. 45.

¹⁴⁹ Там же, № 5, стр. 142. — Такого же рода бессодержательные анекдоты о читательницах «Нови» см. в заметке: «Мглы и туманы» Е. Былинкина. — «Гражданин», 1877, № 8, стр. 229.

¹⁵⁰ Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1914, стр. 99—100.

¹⁵¹ «Из записной книжки А. Н. Пыпина». — «Лит. наследство», т. 49-50, 1946, стр. 192.

¹⁵² Письмо от 17 февраля 1877 г. — Щедрин, т. XIX, стр. 87—88.

¹⁵³ Л. Г. Дейч. Указ. статья, стр. 33. — См. резкую полемику этого критика с трактовкой «Нови» Д. Н. Овсянко-Куликовским (там же, стр. 34—35).

¹⁵⁴ Т. в восп. рев., стр. 217.

¹⁵⁵ С. И. Мицкевич. Указ. статья, стр. 184.

¹⁵⁶ В. М. Гаршин. Полн. собр. соч., т. III. М. — Л., 1934, стр. 109—110.

¹⁵⁷ В. Н. Фигнер. Полн. собр. соч., т. V. М., 1929, стр. 62.

¹⁵⁸ С. И. Мицкевич. Указ. статья, стр. 183.

¹⁵⁹ «Литературная мысль», кн. 1, стр. 198, 197, 205—206.